

ВЛАДИМИР СВЕРЖИН

ВУК ЗАДУНАЙСКИЙ

И ДРУГИЕ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ТАРТАРИИ I
ПАНЫ, ХОЛОПЫ И ДРУГИЕ

18+

Вук Задунайский

**Тайная история Тартарии.
Том 1. Паны, холопы и Другие**

«Автор»

2023

Задунайский В.

Тайная история Тартарии. Том 1. Паны, холопы и Другие /
В. Задунайский — «Автор», 2023

Тартария... Древняя и малоизученная страна на старинных картах. Но чтобы попасть в это загадочное место, не надо ходить далеко. Тартария окружает нас со всех сторон. Там всё, как и тут. Те же леса и болота. Те же зима и лето. Те же паны и холопы. Только Другие там живут прямо среди людей. Но наступают страшные времена. Сдвигаются невидимые глазу силовые линии. И тогда безумие охватывает целые народы. Оплетают всех своими тайными интригами иезуиты, которые и не люди вовсе, а скорее рептилоиды. Но жестокий гетман-оборотень уже штурмует их крепости, чтобы привести земли Тартарии под скипетр московского царя.

Содержание

Предисловие	5
Владимир Свержин «Белый Хорт»	8
Вук Задунайский. «Страна крепостей»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вук Задунайский, Владимир Свержин, Владимир Русанов, Наталья Резанова, Татьяна Андрущенко Тайная история Тартарии. Том 1. Паны, холопы и Другие

Предисловие

Перед вами сборник рассказов и повестей, написанных в различных жанрах – мистический реализм, альтернативная история, криптоистория, фантастический реализм, даже сатира. Так что жанр – не главное. Главная отличительная особенность произведений из сборника – это то, что посвящены они России и ближайших к ней территориям, которые сегодня находятся в границах Белоруссии и Украины. Это можно расценивать как всплеск интереса к экзотике, – действительно, в какие только времена, на какие континенты, планеты и в далекие-далекие галактики авторы порой не забрасывают своих персонажей, но вот близлежащие площадки интересуют их гораздо меньше. Но можно и поразмыслить о том, отчего это вдруг российские писатели-фантасты вдруг потянулись к этой, почти забытой теме.

И ведь если задуматься, экзотики, настоящей фантастической экзотики – с разумными и не очень рептилоидами, марсианами, гигантскими плотоядными тараканами и космическими кораблями, бороздящими просторы Вселенной, – на прилежащих к границам России территориях нет и быть не может. Этно-колорита в лице русалок, панночек, казаков, горилки, сала – сколько угодно. А того, что мы привыкли видеть в книгах на полках с надписью «Фантастика» в книжных магазинах – нет. Что же там есть тогда?

Здесь мы подходим к интересному и, наверное, главному вопросу. Думаю, никто не будет спорить, что русские, украинцы и белорусы – очень близкие народы, которые к тому же не так уж и давно по историческим меркам были единым народом. Стало быть, и путь у нас общий. И сознание тоже. И даже, что интереснее – бессознательное. А значит – у нас общие и фантазии, и сказки, и архетипы, и много чего еще. Безусловно, отдельные части этого общего организма могут переживать невероятные и даже пугающие трансформации, но они будут именно так и восприниматься – как проблемы и беды единого тела. Оторванные конечности не болят. А поскольку последние триста лет, за исключением кратковременных периодов войн и революций, а также последних 25 лет эти территории представляли собой единое государство, то и писатели обращались к ним не так уж и часто – ведь не болело, да и история воссоединения Украины с Россией казалась необратимой и лишенной обратных перспектив. Обращались нечасто – зато метко.

Первый, кто тут же приходит на ум, – это Гоголь, Николай Васильевич. Именно он вытащил на свет божий, препарировал и инвентаризировал весь этот, хорошо известный сегодня украинский бестиарий – с жуткими казаками-оборотнями, Виєм, ведьмами-панночками и прочими характерными представителями флоры и фауны сопредельных территорий. Гоголь всегда был, если можно так сказать, популярен, при любом общественном строе и режиме. Он часто экранизировался: и в советское время, и уже в новейшее, постсоветское. Но случилось то, чего, с одной стороны, ждет, а с другой – должен бояться любой писатель, посвящающий свои строки сверхъестественному. Проинвентаризированная некогда нечисть, за давностью лет сданная в музей, полезла буквально изо всех щелей. Тут Гоголя уже мало, нужно как-то объяснить про-

исходящее: либо, рационализируя его, рассказывать об особенностях национального менталитета, либо, напротив, иррационализируя, выписывать во всех подробностях те странные, если не сказать – страшные фантазии, охватившие братские народы.

И тут вступает в действие старый добрый «закон творца», слегка переделанный под специфику литературного труда: «Если хочешь прочитать хорошую книгу, напиши ее сам». Вот авторы и пишут. И благодаря им, минуя уже набивших оскомину панночек и Виев, которые оказываются всего лишь верхушкой айсберга, мы вырываемся на оперативный простор Тартарии, или как ее еще называли – Russia Alba – этого особого региона в «мягком подбрюшьи» Российского государства, где постоянно сталкиваются глобальные геополитические интересы, а потому чертовщина цветет «пышным цветом» во все времена и эпохи. Фронтир – он и есть фронтир, в самом что ни на есть универсальном значении малоцивилизованной окраины, куда еще не добрались чудеса науки, техники и законности, и где, в отличие от уютной метрополии, отважных героев ждут невероятные приключения.

И не наша вина, что фронтир этот оказался у нас под самым боком. Чтобы попасть в удивительный мир Тартарии, не надо лететь в неизведанные страны и придумывать далекие-далекие галактики. Тартария не так далеко от Москвы, на поезде можно доехать, и даже на машине. Там всё, как у нас. Почти. Те же леса да болота. Та же зима и то же лето. Только, в отличие от нас, Другие там живут не где-то далеко, а прямо среди людей, да и сами люди до сих пор делятся на панов и холопов. Потомки древних родов там наделены особой, сверхъестественной силой, а призраки не просто безобразят в ночное время, а охраняют родные места от чужаков залетных.

Как и принято в общеславянской традиции, мертвые не оставляют живых в беде – и в этом наше отличие от, скажем, европейской или американской традиций, где мертвецы, как правило, злобны и враждебны людям. Только ждать беды той уже недолго. Сдвигаются невидимые обычному глазу силовые линии, образуя кармические узлы. Бьются в падучей целые народы, безумием своим заражая других. Оплетают всех своими интригами иезуиты, которые и не люди вовсе, а какие-то скользкие засланцы невесть откуда. И вот уже жестокий гетман-оборотень штурмует крепости, где засели они, дабы привести Белую, а заодно и Малую Русь под скипетр московского царя. Вот тебе и скучные области «по соседству». Вот тебе и провинциальные байки. Под боком, как оказалось, мистики и непознанного может таиться больше, чем в пресловутых далеких галактиках, причем происходит всё это не где-нибудь там, а здесь и сейчас. Есть, о чем задуматься. Есть, о чем написать. Есть, о чем прочитать.

Потому что написанное в сборнике даже не про рептилоидов с планеты Нибиру, и не про происки тайных и неумолимых иномировых сил, а про связь времен. Грубо говоря, лампочки в подъездах нам не инопланетяне выкрутили. И кнопки в лифтах пожгли – тоже не зеленые человечки. Посему нечисть, лезущая из братских народов, на самом деле наша, общая, родная, можно сказать, нечисть, и лезет она изо всех нас при определенных условиях. Только преодолеть ее каждый будет по-своему: кто-то вернется с этой битвы со щитом, кто-то – на щите, а кто-то – и вовсе дезертирует. Но в этом писатели-фантасты уже не виноваты. Они как врачи-диагносты, их цель – правильно диагностировать болезнь и записать диагноз в карту. Хирургами работают обычно совсем другие. А порой и сама жизнь.

И еще о диагнозах. В 2009 году украинские СМИ разразились серией статей о «провокационных книгах» фантастического жанра, описывающих войну между Донбассом и Украиной (упоминались в основном «Война 2010. Украинский фронт» Федора Березина, «Поле боя – Украина. Сломанный трезубец» Георгия Савицкого и «Эпоха мертворожденных» Глеба Боброва). Тогда это казалось всем фантастикой, если не хуже – провокацией. Сейчас это уже не кажется никому чем-то невероятным. Жизнь оказалась невероятнее и страшнее любой сказки. Но в этом не сказка виновата.

Фантастика ценна не только сама по себе, как литературное произведение, которое может быть интересным и захватывающим, а может – скучным и вторичным. Фантастика ценна своим прогностическим потенциалом. Этот потенциал у донецких писателей, более десяти лет назад довольно точно описавших сегодняшние события, оказался просто огромным. Ибо сейчас эта фантастика – это уже сугубый реализм. Это ли не лучшая награда для фантаста? Если в данном случае вообще может речь идти о каких-то наградах, ведь в том, что война пришла к тебе в дом, нет ничего хорошего.

Представленные в сборнике рассказы и повести вроде бы не обращены в будущее. Скорее в прошлое. Но кто сказал, что его осознание не способно влиять на происходящее сейчас за окном? Тут остается только сказать – иди и смотри.

Вук Задунайский
Александр и Людмила Белаш

Владимир Свержин «Белый Хорт»

Прохладная струя ударила ему в лицо. Не открывая глаз, он жадно ловил пересохшими губами капли воды. Это было спасением от полуденного жара, от изнурительной жажды, от которой путались мысли. Это было спасением. Иван уже потерял счет времени, так долго стоит привязанный к великанскому дубу. Первые часы ему казалось, что веревка жжет, душит его, а сейчас он ее даже не чувствовал, будто сросся с огромным деревом. Куда-то делись голод и страх. Они просто растаяли, канули невзвесть куда. Ну, да и бог с ними.

Лихих людей и лютого зверя он не боялся. Его серый побратим, повинувшись неслышному зову, вышел из чащи и улегся прямо у ног. Кому охота тягаться с таким волчиной? Но старика он все же подпускал. Нехотя вставал, приподнимал верхнюю губу, обнажая клыки, приглушенно рычал, но отходил шага на три-четыре. Вполне достаточно, чтобы при случае прыгнуть и в мгновение ока перекусить седобородому шейные позвонки. Много ли такому надо, чтобы дух вон? Однако Иван чувствовал – так, да не так.

Вон, в первый день их знакомства чего дед учудил! Тогда он с серым побратимом понуро брел по берегу, вспоминая хохот добрых молодцев-сечевиков – мол, куда тебе, мальцу неразумному, прутику вербному, за оружие браться? Тебе, хлопчик, впору на палке скакать, да за мамкину юбку держаться! Вот тут-то дедок и появился за его спиной, закричал по-стариковски, окликнул негромко, оперся на длинный резной посох.

– Ты б, голубь, уважил старика, по тропке спустился к реке, принес бы мне водицы испить.

И откуда только взялся?!

Иван глянул на него, поклонился, как отец с матерью учили, и сказал со всем почтением:

– Живо сбегая, дедушка. Да только не в горсти же нести?

– Зачем в горсти? – усмехнувшись в белые усы, ответил дед. – Вот тебе ковшик. Осилишь его сюда дотащить?

Ничего Иван не ответил, лишь из-под бровей обиженно глянул, взял березовый ковш, спустился к воде, зачерпнул... а поднять-то не может! Тянет, аж руки выламываются – а толку нет, ковш будто увяз, не сдвинуть, и все тут.

– И впрямь, я вижу, силенок ты еще не набрался! – потешается старик.

Ивана как прорвало, ковш бросил, кулаки сжал и вверх по тропке кинулся. А старик уже... на другом берегу Днепра стоит, хохочет, за живот держится.

– Уж не биться ли ты со мной удумал, парень?

И, что самое обидное – ковш уже у деда в руках, и полон воды! Тут у Ивана сердчишко-то и упало, понял – не простого старичка он встретил. И встреча эта неспроста.

– Не суди меня, дедушка, не со зла я! – бухнулся он на колени. – Вот те крест, не со зла!

– Ну-ка, ну-ка, – старец, как и не пропадал никуда, снова стоял рядом. – Ты с коленок-то встань, чего штаны протирать! Что ковш из воды не поднял – в том промашки нет – ты этим ковшом весь Днепр зачерпнул, того никакой дружине не осилить. Давай, вставай! И ни перед кем боле коленей не гни! Воину то не пристало!

– Так то ж воину, а я... – Иван всхлипнул от жалости к себе, пытаясь сообразить, как это одним ковшом можно зачерпнуть огромную реку. Но спросить не решился, уж больно странным, да что там, чародейным дохнуло от седобородого незнакомца. О таких ему доводилось только в сказках слышать, тех, что мать когда-то на ночь рассказывала.

– Что ж, парень, никто воином не рождается. Да и не всякому им быть. Но если уж ты родился зубастым, как хорт, то уж, видать, судьба тебе на роду загодя все присудила.

– Откуда, дедко, ты про зубы знаешь?! – ахнул он. Но старец лишь усмехнулся, будто отрок что-то несусветное спросил.

– Так я много чего знаю! И о том, как ты на Сечь просился, да отлуп получил, мне тоже ведомо. Так что, коли желаешь, помогу я тебе.

– Только того мне и надобно! Вот как бог свят! – Иван перекрестился, выдернул из-под рубахи крест и для верности поцеловал его.

– Да вижу я, вижу, не мельтеши! Только ты бы не спешил, ведь не знаешь, через что пройти придется.

– На все готов! – снова перекрестился Иван. – Что скажешь, все приму!

– Много вас, заполошных, об том твердило, да немногие затем с порога на попятную не пошли!

– Я не пойду на попятную, хоть режь меня!

– Для чего ж резать? Да только всему свой черед. Идем. – Старик поманил его за собой и в один миг оказался на высоком берегу.

– А как величать тебя, дедушка?

– Зови Всеславlichem, не ошибешься.

И вот теперь Иван стоял, накрепко привязанный к дубу, чувствуя, как исконная сила земли, поднимаясь от корней, наполняет могучее дерево, и то щедро делится с ним. Пожалуй, сейчас он чувствовал себя даже сильнее, чем прежде, когда носился с такими же мальчишками в родной Мерефе, да на палках дрался, вспоминая отцовские поучения.

А теперь и вовсе хорошо: днепровская вода нахлынула, отгоняя жаркую погибель и утоляя жажду. Злые мухи, густым роем собравшиеся полакомиться его потом, разлетелись с негодуящим жужжанием.

– Ну что, хлопец, жив? – насмешливо спросил дедка.

– Да, – одними губами прошептал Иван. – И тебе, Всеславлич, долгих лет.

– Ишь, ты. Ну, это хорошо, коли жив. Не притомился ли еще этак стоять?

– Коли надо, так и еще постою, – хрипло выдохнул отрок.

– И то дело, – раздумчиво произнес старец, поглаживая бороду. – Да только более не надо.

Иван почувствовал, как в одно мгновение спадает удерживавшая его веревка, и сам он, не имея больше опоры, по-лягушачьи шлепается на четвереньки. И тут же сверху, будто давно подстерегал добычу, рушится на его голову линиялый сокол. И не простая это ловчая птица – крылья у нее в размах – будто руки зрелого мужа, а жар от него, как от печи идет. А у Ивана и перевернуться-то сил нет. Чувствует он, как в плечи вонзаются острые когти, сжимаются, разрывая плоть. Вот-вот крючковатым, точно багор, клювом по темечку долбанет, и все – и конец тогда, поминай, как звали!

Но вот, будто волна нечеловеческой силы, иной, – той, исконной, что дубом ему дарена, – наполнила его тело. Вскинулся отрок, да с размаху ударился спиной о дерево, вот-вот птичьи кости захрустят. Ан нет, раны на плечах кровоточат, а жаркого сокола как не бывало.

Едва Иван выдохнул, да божье имя благодарно помянул, мчит на него бурый тур – рога, как полумесяц в небе. А росту – едва-едва Иван, руку подняв, до холки его дотянется. А может и не дотянется вовсе, меряться времени нет. Но мальчишку уже азарт взял – стоит, как ни в чем не бывало, у дуба, и только слушает гром копыт да жаркое дыхание могучего зверя. Вот уже совсем близко налитые кровью, будто лютым огнем горящие, туры глаза – ан не возьмешь! Иван шмыг белкой в сторону, да и схоронился за стволом. А спустя миг глядь – тура-то и нет!

Вместо того на грудь ему матерый волчина кидается, такой, что крупный волк, не пригибая головы, под его брюхом пройдет. Кидается, с ног сбивает, у самого горла зубами клацает. Вцепился Иван пальцами ему в шерсть, отдал чуток наверх, да только волчина слюной уже все лицо ему залил, надолго ли сил хватит?

И что уж вовсе непостижимо – его-то, Ивана серый побратим лежит в сторонке оторопью скованный, только скулит тихонько, и вовсе глаза прикрыл, будто помер. И в тот же самый миг Иван вдруг ощутил, как схлынули с мира все краски, и сам он – будто не человек вовсе, а лютый зверь. Спали с него пелены человечьи, зарычал он, крутанулся на месте вертче ужа и мертвой хваткой сцепил зубы на горле волчины. Да так, что кровь мигом заполнила всю пасть, жаркая, пьянящая, дающая новую силу. И вдруг – будто туманом все заволочло.

Очнулся Иван, сидит он под деревом, побратим его серый на колени ему морду положил, ластится. А рядом Всеславлич с деревянным ковшиком сидит да свободной рукой бороду поглаживает.

– На вот, малец, испей водицы, попустит.

– А где все эти?.. – оглянувшись по сторонам, озадаченно спросил отрок.

– Где надлежит им быть, там и есть. – Старец усмехнулся. – Ну что ж, хлопчик, толк из тебя будет, не зря тут мух кормил. А сейчас вставай, пойдем оружие тебе добывать.

Седобородый поднялся на ноги и зашагал, даже не оглянувшись. На ватных ногах Иван устремился ему вслед.

– Далеко ли идти, дедушка?

– Недалече. Отседа верст около двадцати, а может, и тридцать. Вот заодно ногами и померяем.

Парень только охнул чуть слышно, но поплелся за бодрым старцем.

– А скажи-ка, дедушка, что тут было?

– Но это, смотря, в какие времена, – хмыкнул тот.

– Я о нынешнем дне говорю.

– Нынче ты себя нашел. Или пришел в себя – тут уж кто как скажет, – ухмыльнулся Всеславлич и, опершись на посох, внимательно глянул на младшего спутника.

– Так что ж это, выходит, я и впрямь волчину загрыз?

– Можно и так сказать. Но только не в том суть.

– А в чем?

– Ты в себе страх выгрыз и жалость к себе заодно.

Он, как ни в чем не бывало, зашагал далее, насвистывая что-то в усы, и птицы в листве радостно вторили ему, точно дорогому гостю.

Они прошли более двадцати верст, когда старик остановился на берегу возле днепровского переката и, посмотрев на клокочущие валы, удовлетворенно сообщил:

– Здесь.

Иван огляделся, высматривая что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее оружие. Но, исключая облепленные клочьями днепровской пены валуны, которых тут было в избытке, ничего достойного внимания не обнаружил.

– Копать надо будет? – спросил он, полагая, что где-то тут есть тайник.

– Нет, копать не придется. – Дедко встряхнул седыми кудрями. – Нырять придется.

– Что? – Иван с опаской поглядел на разбивающиеся о камни стремительные волны.

– Нырять, – вновь повторил старик. – Вон там, видишь, меж скал, вроде как чаша? Самое то место, узнаю его. Ну что, прыгаешь или оробел? Хворостиной от врагов отбиваться будешь?

Парень с показной бравадой дернул плечом, скинул рубаху и штаны и сиганул в воду. Конечно, его плавный Донец в сравнение не шел с неукротимым Днепром, но воды Иван никогда не боялся. Клокочущие волны норовили расшибить его о корявые обломки скал, торчащие из пены, будто клыки из волчьей пасти. Он всякий раз увертывался от прямого удара, ловко уходил в глубину, стараясь отыскать неведомое оружие. В конце концов, уставший и продрогший, Иван вылез на берег и тут же увидел Всеславлича, сидящего на валуне у кромки воды.

– Ну что, хлопче, не сыскал?

– Да как его сыщешь, сам чуть жив остался! Я же не рыба! Пока нырял, едва голову не расшиб!

– Что ж, верно, – посочувствовал старец. – Так ведь не расшиб – и на том спасибо! Ладно, подсоблю тебе, – успокаивающе махнул рукой старик и протянул юнцу веревочную петлю, к другому концу которой была привязана увесистая булыга. – Аркан на шею, камень в руки – и прыгай. Оружие – оно на самом дне лежит, так-то, как ни бейся, до него не донырнешь.

– Так ведь... – Иван удивленно поглядел на старика. – С камнем, да в омут – враз на дно потянет, да и утопнешь!

– Правильно мыслишь, – подтвердил дедка. – Ишь ты, ума палата! Камнем сиганешь – до дна и дойдешь. А как оружие схватишь, так им эту веревку и перережешь.

– А ежели вдруг не найду?

– А ежели найти не сумеешь, то и выныривать тебе незачем, оно ж недоучка – хуже дурака, – напутствовал Всеславлич. – Так что сам решай, как оно: брать мою подмогу или прямо домой ворочаться. Ты думай, хорошенько думай. Землепашцем быть – дело верное, доброе. Свинья – конечно, не конь, а тоже от нее польза есть. На что тебе с чужой крови жить?

Иван глянул недобро и протянул руку.

– Давай свою петлю.

– Вот это другой разговор. Запомнил, что я тебе сказал? – Седобородый приладил груз на шею Ивана.

– Запомнил.

– Тогда ступай с богом, да возвращайся поскорей! А я тем временем ужин слажу.

Старик отвернулся, теряя интерес к безумному юнцу. Тот поежился и с натугой поднял привязанный к веревке камень. Иван попытался унять тревожный стук сердца в груди. В конце концов, сегодня он уже столько раз умирал, пора бы привыкнуть. Уж если Всеславлич отчего-то хотел погубить его, то, верно, мог это сделать сотню раз, пока он был привязан к дереву.

Иван широко перекрестился, глубоко вдохнул, закрыл глаза, шагнул с берега головой в омут и вдруг почувствовал, что совершенно не боится. Это даже как-то развеселило его. Но тут вода хлестко ударила по лицу. Он начал быстро погружаться, да так глубоко, что и представить не мог. Воздух в легких быстро заканчивался, но благодное состояние покоя не проходило. Петля на шее уже совершенно не держала его, и... он проплыл сквозь нее, едва касаясь хвостом, плеснул широким плавником и быстро, распугивая мелкую рыбешку, устремился ко дну. Сердце будто само знало, куда следует плыть. Иван вдруг заметил, как меж камней в тине, совершенно не тронутая ржой, выблискивает, будто манит, гладкая сталь клинка. И тут же плавники исчезли, снова возникли руки. Он схватил оружие и начал быстро выгребать наверх, к берегу. Старик поджидал его, сидя на камне у костерка.

– Ты, я вижу, с добычей! – довольно улыбнулся дед. – Что ж, любо, любо! Ну, как водичка?

Иван, отплеывая воду, быстро вышел на берег.

– Холодная, – зубы Ивана стучали, тело била мелкая дрожь.

– Иди, иди к огню, согрейся. А заодно глянем, что добыл.

Только сейчас отрок разглядел отобранное им у Днепра оружие. Это был меч, длинный, прямой, как солнечный луч, сияющий, как будто только-только покинул ножны, и острый... Это Иван уже почувствовал на себе – пальцы и ладонь, которыми он схватил клинок, были залиты кровью из глубокого пореза.

– Ишь ты, проголодался, стало быть. Как был хрвохлеб, так и остался. – Старик принял оружие из рук воспитанника. – Я вижу, ты его славно попочевал, он тебе за то весь твой век благодарен будет. В бою не подведет, в невзгоде не кинет. Ну, здравствуй, старый друг! Сколько жизней не виделась!

Всеславлич сжал рукоять, и как показалось Ивану, та аж замурлыкала от радости. Затем старец крутанул меч и будто скрылся в стальном облаке. Иван и прежде видел, как сечевики, бравируя своей ловкостью и лихостью, крутят саблей, но чтобы вот так! Старец был еле виден в мелькании хищного клинка. Наконец он остановился, поднял меч острием к небу, прикоснулся губами к холодной стали, затем подкинул его, поймал и протянул рукоятью к Ивану. Тот, сцепив зубы от боли, раскрыл окровавленную ладонь. Старец хлопнул себя по лбу.

– Вот же старюга беспамятный, как же это я позабыл?!

Дед склонился над раной, что-то зашептал, поводил перстами, выпрямился и проговорил насмешливо:

– Иди в реке обмой, на что рукоять пятнать?

Все еще не понимая, что произошло, отрок отошел к воде, обмыл ладони и увидел затянувшиеся красные рубцы на месте недавних порезов.

– Ну, что ты там застрял? – крикнул Всеславлич. – Иди к костру, грейся. А то, может, щукой обернешься и окуньков наловишь? Я как раз ушицы бы сварил.

– Щукой? – выпучив глаза, спросил Иван.

Старец усмехнулся.

– Что ж ты такой непонятливый? Нечто сам не догадался, как из петли выбрался? И там, у древа...

– Так я думал, это я с перепугу...

– С перепугу зайцы гадят! А ты лютым зверем оборачивался, в воде – щукой-долгомеркой. Еще в небе беркутом полетишь, но тому я тебя после обучу.

– Это ж... как это? Я же... – запинаясь, начал отрок, испуганно крестясь.

– Эх, малый-малый, сила в тебе великая, а соображения чуть. На вот, – он вновь протянул оружие заробевшему отроку, – ты добыл его, теперь он твой. Не благодари, то – твой меч и твой крест.

А сейчас давай, садись к костру, грейся. И волка своего призови. Для вас двоих говорить буду. А вот это рукой махать да молитвы бубнить – пустое. Хоть обкрестись ты, от того иначе не станет. Уж коли ты родился с зубами, то грызть тебе врага до самой его гибели. Господь за плечом твоим стоит, ты его стережешь, он – тебя.

Иван свистнул в два пальца, волк-побратим стремглав бросился к нему из ближнего подлеска, будто только и ждал зова.

– Ну, стало быть, расскажу я теперь, что за путь-дорожку ты себе выбрал. А вернее сказать, не ты, она тебя выбрала. Быть тебе, Иван, великим воином, всей русской земли храбрым заступником, а злomu врагу погубителем.

Меч, что ты со дна достал, не простой. Два таких меча в мире есть. Откованы Сварогом они для внука Перунова, Скифа Ераклича, и лучших мужей его рода. Этот зовется Белый Хорт, брат его – Хорт Черный. Кто обоими мечами владеет – вовек побежден не будет. И земля его любому врагу не по зубам окажется, и в какую бы чужедальнюю землю сам он не пришел – всякого воина сразит.

В давнопрежние времена тот меч, что ты со дна достал, моим был. Другой же принадлежал брату моему кровному, может и ныне тот меч у него обретается. Да только где тот брат, мне неизвестно. А вот тебе следует о том прознать. Ибо с того часа, как меч тебя признал, лишь сам он да его близнец ранить тебя могут.

– Да как же такое быть может?! – изумился отрок.

– Молчи, не перебивай, – нахмурился Всеславлич, выхватил из ножен на поясе булатный нож и, будто разгневавшись, ударил им в грудь Ивана. Тот лишь охнул от внезапной боли, но ни кровинки не пролилось, даже кожа не разошлась под железом. – Вот так оно теперь и будет.

Парень потрогал грудь, не веря собственным ощущениям. Впрочем, за сегодняшний день случилось много такого, во что в здравом уме верилось с трудом.

– Но ты не больно-то радуйся, кому много дано, с того много и спросится. Сам знаешь, с одной стороны на землю нашу басурманы валом прут, с другой иезуитово семя крадется. Да и белый царь, хоть за твоей спиной, как за каменной стеной, а подмоги от него когда густо, а когда и пусто. Своя рубаха ближе к телу, и выгоду свою он блюдет свято. Но такое может случиться, что его выгода – твоя невзгода. Потому запомни – с царем или без царя, а землю русскую ты сам защитишь. Чему надо, я тебя обучу.

Но помни, срок твой подходит. Отец мой вырвался из темницы, в которую я его под Хвальнским морем запер, и люто жаждет расквитаться. А коли так, то глядишь, и брат мой жив. А стало быть, и меч при нем.

– Да что ж ты, дедушка, загадками-то говоришь? Тебе самому в обед сто лет, а отцу твоему и все двести, почитай, будет!

Старик лишь захохотал от этих слов.

– Сто говоришь? Да когда мне сто было, на месте дома твоего густой лес шумел! А вон те дубы я помню еще желудями! Отец мой – Горын Змеич, брат, стало быть – Змей Горыныч.

– Что за сказки такие? – не удержался удивленный отрок. – Мне бабка о том сказывала, как богатырь Волх Всесла... – Глаза Ивана округлились. – Так ты, значит, и есть Волх Всеславич?!

– Я и есть. Нечто раньше не дотумкал? Сражался я с братом моим и даже победил его. Да только мне его не убить: как раню я его, моя сила тогда к нему утекает. Вот как нынче сила побратима твоего в схватке к тебе ушла. На благо ты когда-то волчонка этого спас. Не раз тебе то добро вернется.

Так вот, мне отца и брата моих не сразить, а тебе под силу. Но только ж помни, не одним могуществом, но злым коварством сильны они. В каком облике тебе явятся, не ведомо, сами ли придут или пришлют кого – не угадаешь. Вон Святослав Хоробрый, что прежде тебя этим мечом владел, в бою непобедим был. Ан ворожкой и предательством брат мой сгубил его. Так что готов будь, парень, к схватке и в день, и в ночь, и в жару, и в ненастье, и на земле, и в воде, и в небесах. Сейчас подкрепи силы. – Волхв Всеславич провел рукой над костром и там, где только что, пожирая хворост, скакало веселое пламя, очутился накрытый стол. – А мне сейчас уйти надо. Позже вернусь, тогда учить тебя стану управляться с мечом.

Старец поднялся, развел широченные плечи и, казалось, стал выше на две головы.

– А звать все тебя отныне будут Иван Сирко, как побратима твоего, Егориива зверя. Уразумел?

Иван Сирко молча кивнул, не сводя завороченного взгляда с наставника. И вдруг – будто молния ударила с земли в небо. Исчез, растворился в воздухе седобородый богатырь, и следа не осталось.

Иван сидел у кошмы, заставленной снедью. Мысли беспорядочно кружили вокруг событий нынешнего дня. Меч лежал у него на коленях, и почему-то от прикосновения гладкой стали ему сделалось удивительно спокойно. Он бы, пожалуй, решил, что старик посмеялся над ним, рассказал старую, как мир, сказку, когда бы не произошли с ним все эти чудеса наяву.

«Да как же такое могло случиться? Не с кем-нибудь, не где-нибудь, а со мной в этот самый день. Неужто я зверем и рыбой оборачивался? Ужель и впрямь меч, Сварогом откованный, мой отныне?..»

С реки послышался дружный плеск весел.

– Давай, навались! – зычно прикрикнул кто-то.

Иван вскочил. По Днепру в сторону порогов двигалась казацкая чайка, остроносая, с вязанками камыша поверх бортов, стало быть, идущая с моря. Еще отец, когда был жив, рассказывал, что, скрытно подбираясь к ворогу или прячась от него, казаки убирают мачту и загружают чайку так, что эти самые пучки, будто поплавки, держат лодку на воде.

Иван радостно замахал рукой, приветствуя сечевиков. Завидев его, легкий кораблик направился к берегу.

– Эй, хлопец! – послышался с воды зычный голос. – Как тут рыбалка?

Иван пожал плечами.

– А что ж ты тут, птицу бьешь?

– Не-а. Но рыбы и птицы тут много.

– Вот и славно, – отозвался казачий ватажник. – А татар нет?

Сирко мотнул головой.

– Не видать, не слышать.

– Ну, стало быть, оторвались. – Атаман крикнул: – Здесь лагерем станем!

Он погладил длинный ус, и когда чайка приблизилась к берегу, ловко спрыгнул наземь и уставился на стоявшие пред Иваном яства.

– Ишь ты, тут и стол накрыт. Ждешь кого?

– Милости прошу, – подхватился Сирко. – Почитай, вас и жду.

– А ну, хлопцы, налетай!

Вывалившие на берег казаки гурьбой набросились на еду и смели ее с такой скоростью, что гостеприимный хозяин едва успел схватить ломоть хлеба.

– Ты, малый, чьих будешь? – довольно поглаживая живот, поинтересовался обладатель зычного баса.

– Иванко я, сын казачий. Отца Митрием зовут.

– Митрич, стало быть. – Атаман вновь закрутил ус, оглядывая парня. – Добре, добре. А я, стало быть, Максим Лихолет. Слыхал о таком?

Иван честно мотнул головой, что явно не порадовало осанистого усача.

– А тут что делаешь? – спросил он.

– На Сечь иду.

– Ишь ты, на Сечь! А саблю, небось, у батьки скрал?

Иван нахмурился, глянул туда, где оставил добытый в реке меч, и опешил – вместо длинного прямого клинка перед ним лежал изумительной работы шамшир¹ с вызолоченными письменами и узорами, сбегаящими от пяты к острию по зеркально блестящей стали.

– Не-а, сам добыл, – возмутился Сирко, удивленно разглядывая оскаленную волчьей головой, венчающую рукоять.

– Да ну, неча брехать, где ж тебе этакую красавицу добыть?! – хмыкнул Лихолет. – Тебе ж, поди, мамка и ножа не доверит капусты нашинковать! А вот слушай что скажу, давай так сговоримся – ты мне эту саблю дай, тем паче, коли она твоя, а не отцова-дедова, а я тебе иной отдарюсь. Доброй, ты не сомневайся! А к тому еще и джурой² к себе возьму. Ну что, по рукам?

– Не, не дам. Да и не хочу я джурой. Уж больно честь велика, я, поди, и капусту-то не всю порубал! – снова покачал головой Сирко.

– Ишь, какой гордый! – криво усмехнулся ватажник, раздосадованный отказом мальчишки. – Ну, так я эту саблю все одно возьму. Мне, поди, нужнее. – Он сделал шаг к лежащему на кошме оружию и вдруг услышал неподалеку глухое рычание. Из-за ближайших кустов, недобро глядя на обидчика и приседая для прыжка на задние лапы, появился крупный волк. Максим потянулся было к рукояти пистоля, торчавшего за поясом. Но зверь, обнажив клыки, вновь глухо зарычал. – Ишь ты, – пробормотал атаман. – Ну ладно, будь по-твоему. А тока об заклад готов биться – хоть с саблей, хоть с волком, хоть на руках ходи, а не быть тебе сечеви-ком. Кто ж тебя, этакое заморыша, в курень примет?

– А вот буду! – упрямо буркнул Сирко, хмуро глядя на ватажника.

Лихолет расхохотался и, обернувшись, хлопнул себя ладонью по седалищу.

– Вот тебе, а не Сечь! Да скорее уж ты нас пехом обгонишь и до Хортицы прежде нашего дойдешь, чем казаком станешь!

– А ежели обгону?

– Ну, ежели обгонишь, – глумливо хмыкнул казак, – тогда – да, тогда будь по-твоему! Да только лучше ступай домой, не позорься. Мы к завтраму полудню уже на Сечи будем, а тебе дотуда, почитай, день ковылять. Так что за пироги тебе спасибо и добрый совет – не рядись с казаками впредь. Нынче-то мы сытые и добрые, а так, глядишь, рожа-то с кулаком познакомится, рада не будет!

– За совет и науку благодарствую, – чувствуя, как закипает что-то в груди, проговорил Иван. – Пойду я. До Сечи, и впрямь, еще иди и иди.

– Ишь ты, упертый! Ну, ступай, ног в темноте не обломай!

¹ Шамшир – кривая персидская сабля.

² Джура – оруженосец у казацкой старшины, XVII–XVIII вв.

– Уж какой есть. Слова твои, атаман, все слышали, так что до завтра, до полудня их не забудь! И я не забуду!

Иван бежал резво, как никогда прежде, так что даже его клыкастый побратим едва поспевал за ним. Сабля в невесть откуда взявшихся ножнах нещадно колотила по бедру, но он не обращал внимания. Не шуточное дело – попасть к полудню на Сечь, тут и верхом поди, доскачи! Невесть сколько верст он пробежал так, прыгая с камня на камень, виляя лесными тропками, покуда не рухнул без сил в густую траву. Волк сел рядом и начал тыкаться носом в щеку.

– Сейчас, – прохрипел Сирко. – Сейчас встану.

– Да уж лежи, чего там, – раздалось совсем рядом. – Времени-то еще ого-го сколько! Хорошо бежал, я аж залюбовался!

Пересиливая себя, Иван приподнялся на локти. Конечно, обмануться было невозможно: озаряемый луной, опираясь на посох, над ним стоял Волх Всеславлич.

– Куда ж ты побег, малый?

– На Хортицу, – выдавил парень.

– Ишь ты, а попрощаться?

– Так ты ж пропал!

– Что с того? Ушел, стало быть, в том нужда была. Ну, а коли вернулся, уж точно неспроста. Идем, до дома меня проводишь, заодно и простимся.

– Волх Всеславлич, миленький, я ж так к сроку припозднюсь!

– Пустое молвишь. Слышал, небось? За дурною головою и ногам нема покою, а пустая голова и вовсе с плеч слететь норовит. Оно тебе не в прибыток! Вставай! Неровен час, луна уйдет.

Иван с трудом поднялся на ноги и, чувствуя, как от усталости гудит все тело, поплелся за наставником.

– Я ж тебя еще обещал поучить, как тем оружием врага поражать. Или ты одним видом клинка своего недругов разогнать понадеялся?

Далеко идти не пришлось. Седобородый учитель поднял руку к небу и будто протянул от луны светлый полупрозрачный луч, который лег тропинкой поверх травы. Кудесник ступил на нее и зашагал, как ни в чем не бывало. Иван осторожно ступил ему вслед, прозрачная тропка держала, будто каменная мостовая. Долго ли, коротко, Сирко увидел высокий курган с плоской макушкой, вокруг которого неусыпной стражей, бдительно оглядывая подступы, стояли валуны почти в человеческий рост. Присмотревшись, Иван разглядел, что на каждом из них грубо вырезан суровый воин с мечом на поясе.

– Ну, вот я и дома, – объявил Волх Всеславлич, и лунная тропка исчезла, будто погасла.

Сирко, уже переставший изумляться умениям своего учителя, лишь вздохнул, да махнул рукой. Оно, конечно, грех доброму христианину с колдовством водиться, но что попишешь, коли сила чудодейская из тебя сама лезет, как тесто из квашни. «Вот приду на Сечь, – подумал он, – непременно в храме свечку поставлю, да помолюсь, как следует».

Он обвел взглядом курган в поисках если не вежи, то хоть бы какой хаты. Но ничегошеньки, даже самой распоследней землянки не было вокруг.

– Ну что ж, воитель, давай, вытаскивай оружие из ножен. Держи его крепко, но не грубо, а как девичью руку. Чай, не кочерга.

Сирко выхватил саблю из ножен и вдруг ощутил прилив неведомой прежде силы, так что встань перед ним сейчас крепостная башня – пожалуй, и башню бы срубил!

– Этак поглядеть – так и славно! – с насмешкой в голосе проговорил Волх Всеславлич. – Что ж, сразу вижу, отец тебя сызмальства науке сабельной учил. Вот, стало быть, сейчас с помощничками моими и схлестнешься. Рубись что есть силы, не жалея, но помни, и они тебе спуска не дадут. А ты, клыкастый, – шикнул он на волка, – сиди тишком, не твоего ума тут

дело! – Побратим заскулил и отвернул голову, будто не в силах видеть того, что должно было произойти. – Вот так-то и ладно, так-то по уму.

Седобородый хлопнул в ладоши, и каменные воины вдруг отряхнулись, будто смахивая насевшую пыль, с тяжелым вздохом вытянули ноги из земли и со всех сторон пошли на Ивана.

– Дерзай, воитель! Посмотрим, на что ты горазд!

Волх Всеславлич отступил в сторону, и каменные воины накинлись на отрока, потрясая каменными же мечами. Мир будто померк в очах Ивана и затем снова вспыхнул, но уже куда более яркий.

Он видел истинные лица наседавших, резкие, жесткие человеческие лица, глядящие пустыми глазами. Он метнулся в одну сторону, рубанул, намереваясь отсечь вооруженную руку первого нападавшего. Но удар его наткнулся на клинок другого стража «хоромины» Волха Всеславлича. Еще двое, появившиеся из-за кургана, норовили зайти ему за спину.

«Э нет, так не пойдет!». Увидев, что ближний противник замахивается на него, он скользнул под руку ловкой куницей и полоснул живого истукана по груди. Тот замер, будто никогда и не двигался с места. «Их можно побеждать!» – ликуя, осознал Иван и обрушил клинок аккуратно на ухо повернувшегося в его сторону следующего недруга. Клинок без затруднения вошел в камень и так же легко вышел, когда Иван крутанулся волчком и подрубил ноги третьему каменному бойцу. А дальше все слилось в единую пляску. Он уклонялся, рубил в ответ, отпрыгивал, наседал, выстраивал безмолвных ворогов змейкой, дабы не дать им навалиться всем скопом, вновь атаковал и защищался.

И так до того мига, когда вдруг замер, осознав, что рубить больше некого. Каменные глыбы неподвижно стояли там, где застал их безжалостный клинок. Наблюдавший со стороны наставник с удовлетворением погладил длинную седую бороду, а не находивший себе места волк метнулся к побратиму, поставил ему лапы на плечи и радостно вылизал лицо.

– Ай, славно! Вижу, живет в мече и сила моя, и душа Святослава Хороброго! Нынче ты им стал добрым вожаком. Что ж, отныне и навек это твое оружие. Молодец, что в чужие руки не отдал его! И себя бы погубил, и отчизну. Пока ты правому делу верно служишь, Белый Хорт тебя не подведет. Чужой воли сторонись, стелют мягко, да спать не вмоготу. Помни, что я тебе об отце и брате моем сказывал. Ну, и меня не забывай. – Волх Всеславлич крепко обнял отрока, который отчего-то теперь смотрелся куда старше и суровее. – А теперь мне пора, скоро рассвет.

– погоди! – окликнул его Иван. – А как же я? Мне же на Хортицу до полудня поспеть нужно!

– Так иди.

– Куда?

– На Хортицу, – безразлично хмыкнул седобородый. В этот же миг курган вздрогнул, расступился и поглотил старца. – Свидимся еще, – услышал Сирко. – А до того – не поминай лихом.

Земная твердь захлопнулась, будто пасть насытившегося зверя, и лишь набежавший ветер взъерошил ковыль.

Хлопец огляделся, утренняя зарница щедро заливала восток кровью побежденной ночи. Узкий, как сабельный клинок, алый край солнца прорезал устилающий степь утренний туман.

«Помогай, Господи, не опоздать бы!» – прошептал Иван, глянул на серого побратима, перекрестился и сделал шаг. В разрыве тумана вдруг ясно обозначилась высокая скала, крепость на ней и могучий Днепр, катящий валы к далекому морю.

– Да неужто?! – ахнул Сирко. – Вот так так! Стало быть, успел!»

* * *

Чайка ходко шла против течения.

– Давай, навались! – слышался с борта знакомый голос ватажника. – На том свете отоспимся!

Казачи с силой налегали на весла, ища привычные, знакомые сечевикам места, где натиск волн был не так силен.

– Навались, навались!

Иван Сирко поднялся с пенька, глянул на костерок, поправил саблю и замахал руками.

– Эгей! Эге-гей! – Он не без удовольствия заметил, как вытянулось лицо атамана Лихолета, и радостно закричал, потешая казацкую братию: – Что-то вы припозднились, я уж тут к заутренней сходил, окуньков наловил, вам вот в глине испек, попотчуйтесь, не побрезгуйте!

Шедшие на чайке казаки захохотали в голос от такого курьеза. Максим Лихолет дал знак, и корабль направился к берегу. Он смотрел, не отрываясь, не мог поверить, что ушлый малый поспел к означенному часу.

– Ловко ты, ловко! – высаживаясь у костра, процедил ватажник, глядя то на парня, то на лежавшего рядом волка. – Что ж, замолвлю за тебя слово на Сечи. Может, и впрямь добрым казаком станешь. Как только прозывать тебя? Не Сверкопятом ли?

– Я уж сказывал, зовут меня Иваном, а кличут Сирко. – Казачий сын положил ладонь на холку матерого спутника. – Он Сирко, и я Сирко. Легко запомнить.

– Ишь ты! – оскалился ватажник. – Всякий тут норовит себе имечко придумать, чтоб аж вороны с крестов шарахались. Да только многого ли ты в бою стоишь, Иван Сирко? Может тебя и не Сирко вовсе звать, а Усирко?

Привычные к грубым шуткам сечевики захохотали, но отрок и бровью не повел.

– А ты испытай. Чего языком рожь молотить?

– Скажешь тоже – мне с тобой тягаться! Свои же на смех поднимут – связался черт с куренком. Да и как тягаться-то? Я ж плечом только поведу – ты драпака задашь – так и на коне не догонишь!

– Твоим бы языком, атаман, да ядра в пушки закидывать! Только палить бы и успевали! А вот ставлю саблю, что тебе меня не одолеть.

Глаза Лихолета сверкнули неподдельным интересом.

– Что ж, дело хорошее! Да только ж уговор – потом мамке в подол не плакаться, что злой дядька цацку отобрал. Ну что, как желаешь: на кулачках, на поясах или, может, по-мужски на саблях до крови схватимся?

– Так это ж ты муж хоробрый, ты саблю и бери. А я так, по-отроковски, на кулаках, – насмешливо ответил Иван.

– Ну, гляди, все мне тут свидетели, ты сам этого захотел...

Сабля ватажника быстро покинула ножны и свистнула над головой Сирко. Тот легко уклонился, затем столь же ловко ушел от пластующих ударов слева и справа. А затем... сечевики даже вскочили, не поверив глазам: один кулак резвого огольца врезался под ребра Лихолета с такой силой, что тот замер с открытым ртом, не закончив взмаха. В следующий миг второй кулак Ивана, как таран в крепостные ворота, грохнул в челюсть, опрокидывая ватажника наземь.

– Ай да ловок! Ай да хват! – раздалось вокруг. – Любо, Сирко, любо! Справный казак будет!

Максим Лихолет с трудом поднялся на ноги и подобрал выпавшую из рук саблю.

– Да уж, как ни крути, справный! Ты, парень, зла не держи. – Он скривился то ли от боли, то ли от клокотавшей в груди ярости. – Тут всякого испытывают. Мы еще вместе с тобой ворога бить станем! И зелена вина не одну чарку выпьем! Теперь вижу, быть тебе лихим атаманом! – Он протянул Ивану руку, затем отошел к воде, запустил обе ладони в холодную воду, будто смывая крепкое рукопожатие, и прошептал себе под нос: – Да вот долго ли?

* * *

Барон Гжегож Левартовский с восхищением глядел на вызолоченную карету, подъезжающую к Вавельскому замку. Ему, ротмистру панцирной хоругви, поди, до конца дней на такую денег не скопить. Да и зачем ему карета? Добрый конь – совсем иное дело.

– Это кто ж к нам такой пожаловал? – глядя туда же, куда и командир, поинтересовался стоящий в карауле шляхтич.

– О, это птица не простая, – ротмистр кивнул на герб, украшавший дверцу кареты. – Граф Леонард фон Шрекенберг, личный посланец императора.

– Вот как? И что ж у него к нашему крулю за надобность?

Ротмистр хмыкнул.

– То не нашего ума дело. А впрочем, слышал, небось, о королеве шведской?

– Та, которая от престола отреклась? Слышал. Она, вроде, родня нашему государю.

– Так и есть. Отречься-то она отреклась, а спустя год обратно запросилась. Тут из дому ей кукиш и показали. Но королева Кристина хоть и дура дурой, а кусок мимо рта не пронесет. Вот и снюхалась она с этим графом. Он ей – руку и кошелек, она ему за то – руку и корону.

– Он так богат?

– Не то слово. Гора Шрекен, как говорят, вся из серебра, едва-едва землей присыпана. Тамошние графы сперва шрекенбергеры для герцога Саксонского штамповали, затем императора начали звонкой монетой снабжать. И так он люб стал императору, что тот желает забрать от короля нашего Львов и Галич, чтобы герцогство сделать и любимцу своему отдать. На этих условиях он с королевой Кристиной порвет. А если его величество на это не пойдет, то венский двор поддержит графа и он, став шведским королем, на все наше Поможже будет претендовать.

– Так это ж, если станет, – хмыкнул шляхтич.

Барон Левартовский покачал головой.

– Этот, пожалуй, что и станет. Вот теперь от имени самого императора приехал лично с королем договариваться.

Карета остановилась, из нее вышел высокий, худой, как жердь, вельможа. С первого взгляда трудно было сказать, сколько ему лет. Вроде не меньше пятидесяти. Однако глаза – холодные, немигающие, будто мертвые, делали его куда старше, а манера двигаться, легкая и непринужденная, пристала куда более юным годам. Затканый цветочным узорочьем алый камзол был щедро украшен кружевами, на бархатных пурпурных штанах по шву красовались изящные бантики. Кружева были даже на отворотах его ботфуртов.

Он быстро надел широкополую черную шляпу с белыми страусовыми перьями и, горделиво положив руку на эфес длинной шпаги, прошествовал мимо ротмистра и его соратника, не удостоив взглядом. Его богато украшенный наряд был столь не похож на простые, скромно обшитые галуном кунтуши шляхтичей, что рядом с ними гость выглядел человеком из иной реальности.

– Добро пожаловать, ваше сиятельство, – поклонился барон Левартовский. – Государь ждет вас. Я провожу.

Милостью божьей король польский, великий князь литовский, русский, прусский, мазовецкий, жемайтский, ливонский, смоленский, северский, черниговский, а также наследный король шведов, готов, вендов и бессменный претендент на московский престол Ян Казимир ерзал на троне, ожидая визита «старого друга». Они и впрямь были знакомы не один год, и граф щедро снабжал тогда еще юного королевича, пеняя ему на бесконечные разговоры в Сейме. От этого сборища говорунов, и вправду, целиком зависело финансирование любых начинаний. Но до скончания времен там не смогли бы договориться и о замене лавок в собственном здании. А деньги нужны были позарез!

Ян Казимир числил графа своим наперсником и конфидентом, и вдруг, как гром среди ясного неба, эти ужасные требования! Он тер виски, представляя на столе гору собственных долговых расписок, и заранее старался придумать, как выкрутиться из этого медвежьего капкана. Но безуспешно.

«А может быть, убить его? – мелькнуло в голове короля. – Подослать трех-четырёх верных наемников? Впрочем, о чем это я, верный наемник звучит примерно как знойная слякоть».

Он не успел додумать эту казавшуюся спасительной мысль. Дворецкий, войдя в тронный зал, торжественно грохнул своим вызолоченным жезлом об пол и провозгласил:

– Его сиятельство граф Леонард фон Шрекенберг!

Барон Левартовский, первая сабля легкой кавалерии, склонил голову, пропуская высокого гостя, и отступил к двери. Нарушая дипломатический протокол, Ян Казимир поднялся с трона и раскинул руки для объятия.

– Старый друг, как я рад тебя видеть!

– Так же как и я, ваше величество, – одними губами улыбнулся граф, и от этой улыбки и у дворецкого, и у ротмистра панцирной хоругви, и у самого короля почему-то заныли все зубы.

– Надеюсь, дорога была легкой? – поинтересовался хозяин дворца.

– И приятной, – утвердительно кивнул гость. – Не считая трех засад и попытки отравить меня на постоялом дворе, все было замечательно. – Он достал из поясной сумки пригоршню ружейных пуль и встряхнул их в ладони. – Пожалуй, скоро я буду делать из них ожерелья.

– Какой ужас! – нахмурился Ян Казимир. – Ну, здесь-то вы можете себя чувствовать в полной безопасности. Надеюсь, мой подарок смягчит память о треволнениях вашего путешествия.

Он подал знак барону, тот скрылся за дверью и вскоре вновь появился с продолговатым завернутым в персидский шелк предметом.

– Зная вашу любовь к старинному оружию, я приготовил вам этот небольшой презент.

В глазах императорского посланца вспыхнул интерес, но по мере приближения ротмистра он начал быстро угасать. Барон развернул шелковый покров и замер в восхищении. В его руках был меч замечательной работы.

– Когда мне предложили его, – продолжил Ян Казимир, – я сразу понял, кого хочу им порадовать. – Граф взял оружие в руки, согнул дугой клинок и посмотрел на его пятю, знак в виде трех мечей, сложенных в виде латинской буквы Н в круглом щите под короной. – Хоан Оренго, клинковый мастер Тортосы, середина XV века. – Внимательно глядя на драгоценный меч, сообщил фон Шрекенберг. – Тамошние мастера наследовали сарацинские традиции изготовления дамасской стали. Если присмотреться, то литера Н напоминает башню. А башня под короной – герб Тортосы. Так что знак – своего рода шарада.

– Браво, браво граф! Ваши познания воистину непревзойденны.

– Не стану спорить, ваше величество. Однако я желал бы переговорить без свидетелей.

Ян Казимир печально вздохнул и подал знак приближенным удалиться.

– Ян, – начал граф, когда дверь за дворецким и ротмистром закрылась, – ты знаешь, для чего я тут.

– Увы, – вздохнул король, – ты надел мне петлю на шею и теперь желаешь услышать мой предсмертный хрип.

– Вот еще! Если бы я желал этого, не пошел бы столь долгим путем.

– У тебя скверные шутки, пан Леонард.

– Да. Это потому, что я не умею шутить. Итак, как мы выяснили, ты не желаешь ни отдавать Кристине Поможже, ни императору Львов и Галич.

Король грустно усмехнулся.

– Редкая проникательность.

– Ты мне льстишь. А что ты скажешь, если я помогу тебе выкрутиться?

- Ушам своим не верю! Ты поможешь мне?
 - Ты не ослышался.
 - Каким же образом?
 - Я женюсь на королеве Кристине и стану королем Швеции. Это так же верно, как то, что ныне ты видишь меня перед собой. Но если ты станешь действовать так, как я, исключительно по-дружески, буду тебе советовать, поверь, это будет полезно не только мне, но и тебе.
 - Ты говоришь правду?
 - Разве я когда-то обманывал тебя?
 - Нет. Но-о...
 - Не обману и в этот раз. Мы же друзья!
- Ян Казимир вздохнул.
- Верю, что так и есть.
 - И правильно.
 - Тогда хотел попросить тебя как друга...
 - Тебе нужны деньги?
 - Да. Мне нужно заплатить реестровым казакам, а Сейм, как водится, болтает и скряжничает.
 - Я не дам тебе денег. Более того, я бы на твоём месте подкинул в Сейм идею сократить реестр вдвое. Уж что-что, а это они проглотят, не подавившись.
 - Но ведь это война! Сечь, несомненно, поднимется.
 - Да. А ты пошли гетману свое знамя и скажи, что ты и сам возмущен действиями Сейма, пусть они порвут в клочья твоих врагов. Пусть и казаки, и здешние магнаты зависят от твоего решения, а не от собственной дурацкой прихоти. Тогда ты и впрямь станешь королем в своей державе. И в этом начинании, можешь не сомневаться, я тебя поддержу.
 - Занятная мысль, – уже куда бодрее усмехнулся Ян Казимир. – Стоит обдумать.
 - Обдумай. А я тем временем отдохну с дороги. Завтра мы продолжим наш разговор.
 - Да, Леонард. Прости, что я погорячился и подумал о тебе плохо.
 - Большая политика – это область, где всем друг о друге следует думать плохо. Уж точно не обманешься, зато в случае удачи ждет двойная радость.
- Фон Шрекенберг чуть склонил голову, повернулся и вышел из тронного зала, оставив своего венценосного «друга» в размышлении о превратностях судьбы. Барон со свертком в руках ждал его у порога.
- Прикажете отнести в карету? – с поклоном спросил он.
 - А, это? – чуть заметно скривившись, походя бросил императорский посланец. – Я видел он тебе понравился?
 - Превосходное оружие! – не сдерживая чувств, воскликнул барон.
 - О, да. Я дарю тебе его.
 - Но как же?..
- Фон Шрекенберг резко повернулся и вперил немигающий взгляд в ротмистра, так что у того похолодело в груди.
- Никогда не смей перечить мне!

* * *

Замок Гуровеже неподалеку от Кракова был подарен графу фон Шрекенбергу несколько лет тому назад, еще тогда, когда королевич Ян Казимир только готовился взойти на отцовский трон. Хозяин бывал здесь нечасто, но когда приезжал в Речь Посполитую, то останавливался только здесь. Так было и в этот раз.

Боевые холопы, составлявшие гарнизон неприступного укрепления на скале, быстро распахнули ворота перед каретой, так же быстро захлопнули их так, будто за его сиятельством гнались по пятам. Каждый из них знал, что пан Леонард шутить не склонен и готов отходить тростью всякого, кто ему не угодит. И это хорошо, если тростью. Одного замешкавшегося слугу просто с размаху ударил набалдашником по темечку, а затем приказал мертвое тело сбросить со скалы в ров.

На этот раз его сиятельство, похоже, не настроен был свирепствовать, но и праздником местные жители его приезд вряд ли могли считать.

– Все вон! – скомандовал граф, убедившись, что ворота надежно заперты. – Если в ближайшие часы я кого-то увижу здесь, во дворе, прикажу вздернуть на крюк!

Испуганные холопы не заставили долго себя упрашивать. Пан Леонард поглядел в ночное небо. При свете узкого полумесяца едва можно было разглядеть полет нетопырей. И вдруг огромная тень заслонила остаток полуночного светила, и вслед за этим на мощный плац перед башней опустилось нечто, отдаленно напоминающее нетопыря, однако громадного, с длинным усеянным шипами хвостом и свирепым оскалом ужасной морды.

Еще мгновение – и перед графом стоял высокий статный воин в расшитом золотом восточном наряде с кривой саблей на боку. Если бы вдруг здесь оказался какой-нибудь вельможа двора Крым-Гирея, он бы с немалым удивлением опознал в полуночном госте Дей-али-Мурзу – одного из лучших полководцев татарского войска. Однако старому графу, похоже, не было дела до подобных формальностей. Он шагнул навстречу чужаку и с силой обнял его:

– Здравствуй, сынок!

– Рад видеть тебя в добром здравии, отец!

– Ты хотел меня видеть? Я здесь и слушаю тебя.

– Отец, я нашел его! Я нашел второй меч!

– Вот как? – лицо фон Шрекенберга приобрело крайне заинтересованное выражение. –

И где же он?

– Здесь, совсем неподалеку. У казачьего атамана, прозванного Иван Сирко.

– Тогда почему он еще не у тебя?

– Можешь не сомневаться, я его добуду! Но этот атаман не так прост, он слышет могучим характерником, и сабля в его руке обладает силой тысячи сабель. Точь-в-точь, как эта. – Он выдернул из ножен изукрашенный темный дамаск, и тот в его руках превратился в прямой, наполненный внутренним светом черный меч.

– Ты проверял? Быть может он просто ловкий воин?

– Недавно к нам перекинулся казачий полковник, зовут Максим Лихолет. Он утверждает, что знал атамана еще мальчишкой. Когда тот еще только шел на Сечь, клинок уже был у него. И с первых дней этот казак отличался небывалой силой и ловкостью. Перебежчик целовал крест в том, что сказанное им правда. Сей полковник люто ненавидит этого Сирко, хотя причина этого мне неведома.

– Что ж, это хорошо. Значит, он и поможет тебе добраться до меча. Но поторопись, скоро я займу шведский престол, император священной Римской Империи поддержит все, что я пожелаю, а этот хлюпик расчистит мне дорогу на Москву. Эти глупцы не знают, что сие за место. Ну, да и отлично! Так что дадим Яну почувствовать себя великим государем. Сначала его казаки истребят Сейм, затем перебьют друг друга, а потом те, кто останутся, за ничтожную подачку пойдут туда, куда я им укажу. Ты принес хорошие вести, сын!

– Это еще не все, что рассказал переветник. По его словам, этого Сирко не берет ни пуля, ни сабля. Он видит сквозь стены и умеет летать по воздуху. Вместо пса с ним ходит волк, и сам он умеет оборачиваться лютым зверем.

– Что ж, это характерно для колдунов. Мы заманим его в этот замок, сила его стен не даст характернику воспользоваться своим умением.

- Но есть еще кое-что: этот Максим Лихолет утверждает, что Иван был рожден с зубами.
- Вот как? – брови графа чуть приподнялись, придавая его лицу довольно глумливое выражение. – Тогда, может быть, все еще лучше, чем мы думаем. Быть может, он из наших?
- Тебе виднее, отец, тебе виднее.
- Полагаю, это следует выяснить.
- Пришлешь ему приглашение на рождественский бал?
- Фон Шрекенберг ухмыльнулся уголком губ.
- Непременно. Но до этого еще далеко. Я думаю, мы вместе его пригласим. А теперь поспеши! – Он обнял Дейали-Мурзу. – Скоро начнет светать, нельзя терять времени!

* * *

Королевская охота повелителя Речи Посполитой была в самом разгаре. Разгоряченные погоней за благородным оленем ловчие с гиканьем и свистом летели по лесу, трубя в рог и громко окликая друг друга. Сам король в сопровождении небольшой свиты выехал на лесную поляну и чуть придержал серого в яблоках коня. Ему навстречу, точно возникнув прямо здесь, посреди леса, на вороном жеребце двигался граф фон Шрекенберг.

– Пан Леонард?! – удивленно произнес король Польши. – Вот нечаянная встреча! А мне сказали, что ты заперся в своем замке и сидишь там безвылазно.

Граф усмехнулся.

– Тебе правду сказали, но у меня есть веская причина встретиться с тобой.

Король подал знак свите отъехать подальше.

– Я весь превратился в слух, друг мой.

– Это хорошо, это правильно. Слышал ли ты что-нибудь об атамане Иване Сирко?

Владислав скривился, точно проглотил таракана.

– Кто же в столице о нем не слышал?! Это демон, настоящий демон! С ним нет никакого сладу.

– Ты пробовал его купить?

– Много раз.

– Убить?

– Еще чаще. Но он неуязвим и неподкупен.

– Между тем, он явно равнодушен к золоту. Рассказывают, что этот храбрец воевал за французов при взятии Дюнкерка.

– Да, и славно воевал. Он может сражаться даже за индийского царя против китайского богдыхана, но ни против казаков, ни против малороссов, ни против москвитов он оружия не поднимет. А нашего брата рубить для него – как иному мед есть.

– По всему видать, не только нашего, – медленно заметил жених королевы Кристины. – Мне тут рассказали, что не так давно, напав на Крым, он освободил несколько тысяч человек из полона. Часть этих людей, по большей мере дети татар от здешних девиц, начали пенять ему, что придется идти невесть куда, невесть зачем, что там, в Крыму они знали, что готовит им всякий день, знали порядки и обычаи. Он настолько озверел от их стенаний, что велел перебить до трех тысяч соплеменников.

– О, да, – кивнул Владислав. – Рассказывают также, будто он заявил: «Кто ни в грош не ставит свободу, того и жизнь гроша ломаного не стоит». Жуткий зверь, скажу я тебе.

– И что же ты, друг мой, государь, король и великий князь, миришься с тем, что в твоих землях промышляет этакое чудовище?

– Увы, к нему не подступиться.

– Полагаю, это не так. Если ты дашь мне надежного человека с хорошим отрядом, я сделаю так, что он придет сам.

– Неужто такое возможно?

– Всякий добрый христианин должен бороться с демонами, – насмешливо ответил граф фон Шрекенберг. – Так что я лишь исполняю свой долг.

– Что ж, прекрасно! Ротмистр Гжегож Левартовский в твоём распоряжении, ты уже видел его. Он храбрый и честный рыцарь. Пусть возьмет из своей хоругви столько людей, сколько тебе понадобится.

– Что ж, пан Гжегож так пан Гжегож. Я буду ждать его в своём замке.

* * *

Казачьи караулы у дома атамана Сирко, встрепнулись было, похватались за рушницы, увидев мчащего по большаку всадника. Но затем вздохнули спокойно, кто ж в казачьем кругу не знал справного казака Максима Лихолета? Правда, вид у него нынче был такой, что впору руками всплеснуть и помянуть черта хвостатого. Рубаха на нем была разодрана, так что свисала ключьями с плеча, лицо разбито в кровь, но за поясом у полковника торчал турецкий пистоль, а в руке красовалась татарская сабля.

– Софья, Софья у себя?! – отплеывая кровь с разбитых губ, кричал он, подъезжая к воротам.

Услышав знакомый голос, жена атамана Сирко, сопровождаемая вооруженными сыновьями, вышла на крыльцо.

– Что случилось? С Иваном что-то?

– Того не знаю. Ну, да что с ним станется? Татары сюда идут, сам Дейали-Мурза с войском! Меня с малым отрядом в степи переняли, скрутили, едва жизни не лишили. – Максим утер кровь с лица. – Но оно может и к добру: я их планы вызнал. Мне-то их наречие хорошо знакомо. А им про то не ведомо, вот они при мне языком и трепали. Поди, не думали, что я сбегу, а я сбежал. Стражников положил, да и сбежал. За прошлый иванов поход, когда он поскребишей татарских в степи порешил, осерчал Гирей, решил на Москву идти. Головные полки Дейали-Мурза ведет, черт арнаутский. А другой отряд на Полтаву ушел, чтоб, ежели муж твой или гетман на помощь двинутся, то дать им бой и обратно на Днепр откинуть.

– Так надо в Харьков спешить! – нахмурилась Софья. – Наша-то Мереха супротив татарского войска сама не выстоит. Скоренько надо оповестить, да за стенами укрыться.

– Не! – замотал головой Максим, спешиваясь. – Туда я побратима своего послал, бежали вместе. Так что в Харькове нынче предупреждены. Но туда соваться – что головой в омут. Сюда за тобой Дейали-Мурза лишь тысячу всадников отрядил, почитай, через час-другой уже тут будут. А всей силой, как есть, на Харьков навалится. В Белгород нужно поспешить, чтобы воевода царский на подмогу шел со стрельцами, да конницей дворянской! И в Москву, стало быть, гонца отослал. Ну и тебе с детьми, ясное дело, там спокойней будет.

– Вот как?! – Софья сжала губы и задумчиво глянула на большак, не вьется ли там пыль столбом от идущей вдаль конной лавы. – Что ж, дело говоришь, Максим Афанасьич. – Она кивнула сыновьям, те бросились в дом. – Скоро мы. У нас на такой случай все собрано.

Верная жена атамана скрылась за дверью, тяжело вздохнув, подошла к иконе Святой Божьей Матери, достала из-за нее нож булатный и вонзила его в лежащий на столе теплый, едва только из печи, каравай. Да так, что клинок вонзился в столешницу.

– Вот теперь и ехать можно, – прошептала она.

* * *

Дорога шла лесами, казачьи дозоры ткнулись было в сторону Харькова, да и впрямь напорились на татарскую орду, едва живы ушли. Стало быть, идти нужно было круглым путем.

Оно, конечно, дольше, но и надежнее. Да еще и в Чугуеве, ежели повезет, подмогу раздобыть можно. Десяток верховых, да телега с домашними пожитками, да возок с семейством – вот и весь отряд – ищи иголку в стоге сена! Тем паче, еще один десяток казаков с телегой в другую сторону пошел, следы замечать, да на себя отвлекать злых татаровей.

И вот уже дело шло к вечеру, лес погружался в сумерки, и тени деревьев вытягивались разлапистыми чудищами.

– Ничего, ничего, – успокаивал Софью Максим Лихолет, уже добела умытый, переодетый в новое и чистое, как подобает казачьему полковнику с шестопером за кушаком, – к ночи доберемся.

Он оглянулся, будто ожидая подтверждения своих слов. Из леса невпопад заголосила кукушка, и в тот же миг из окрестных кустов грянул залп, а затем из лесу на дорогу ринулись всадники в вороненых кольчугах, в мисюрках с волчьими хвостами, с подвешенными кольчужными бармицами. Сыновья Ивана схватились было за сабли, но тут же замерли, увидев ствол пистоля, направленный в лоб матери.

– А ну... бросайте! – рявкнул Максим Лихолет. – Только дернетесь – я ей дырку в голове проделаю! Мозги сквозняком выдует!

Спустя несколько мгновений, когда с казаками, охранявшими возок, было покончено, один из всадников подъехал к атаманскому семейству и с поклоном снял шлем.

– Пани Софья, я барон Гжегож Левартовский, ротмистр панцирной хоругви, мне приказано доставить вас к королю. Поверьте, я не причину вам зла.

– Да я скорее порешу себя! – возмущенно закричала женщина.

– Порешешь, как же! – Лихолет распахнул дверь возка и схватил Софью за волосы. – Да что с ней панькаться?!

– Не смей! – рыкнул барон, заноса саблю над головой предателя. – Она благородная пленница!

– Да тьфу на тебя, пес бесхвостый! Ни ты, ни круль твой мне не указ! – Он в гневе оттолкнул было ротмистра и тут же отшатнулся: клинок польской карабелы едва не полоснул его по лицу.

– Ах ты гадючье семя!

Казачий полковник выхватил из ножен украшенный золотом килич и бросился в атаку. Панцирники двинулись было на помощь командиру, но тот лишь усмехнулся и жестом остановил их. Схватка была стремительной и бескомпромиссной. Пару раз уклонившись от атак расвирепевшего казака, ротмистр ушел в сторону, пропуская его саблю мимо себя, и тут же острый клинок карабелы чиркнул Максима по гортани, распарывая ее и лишая изменника жизни.

– Прошу извинить, ясновельможная пани, – начал было он, и вдруг удар в грудь сбил его с ног.

Он отлетел, едва удержав в руках саблю, будто ураган пронесся над лесной дорогой. Гжегож приподнялся на колени, и вновь резкий удар и падение, а затем кто-то схватил его. И тут барон услышал слова, обращенные вовсе не к нему:

– Ты цела, сердечко мое?

– Да, свет мой! – послышался в ответ нежный голос Софьи.

Гжегож Левартовский ошарашено огляделся. Три десятка панцирников лежали на дороге без движения. Похоже, из всего посланного королем отряда живым оставался он один.

– Прости, задержался. Татары в большой силе навалились, но мы их картечью славно попотчевали. А как ты ножом заветным каравай пробила, так у меня сразу сердце кольнуло. Заспешил, да, видать, припозднился.

– Ну что ты, Ванечка, как всегда, вовремя поспел.

Иван Сирко еще раз потрянул ротмистра.

– Ну что, пан добродий, молись своему богу!

– Не убивай его, Вань, на нем вины нет, Максим нас предал! А этот нас защищал.

– Защищал, говоришь? – Атаман Сирко отбросил барона в сторону, будто это был куль с овсом, а не крепкий мужчина фунтов в пять с лишком пудов весом. – Что ж, коли Софья за тебя просит, то помилую. Но только ж правду говори, за каким рожном тебя сюда занесло?

– Король велел доставить пани Софью и сыновей твоих в замок Гуровеже. Я лишь должен был сопроводить их да проследить, чтобы в пути с ними ничего не случилось.

– А что ж так-то, раньше в гости не звал, а тут вдруг целое войско за ней прислал?

– Мне-то неизвестно. Только недавно из Империи в Вавель прибыл посланец императора, граф фон Шрекенберг. Именно после разговора с ним король послал меня сюда. Да и Гуровеже принадлежит не королю, а именно графу.

– Ишь ты, а что это моя семья вдруг вашему Хрякенбреху понадобилась?

– На это я ответить не могу, да я почти и не знаю его. Он несметно богат и, вероятно, скоро будет шведским королем. Еще знаю, что он собирает древнее оружие, – ротмистр остановился, задумавшись. – Но, кажется, не всякое. Он ищет какой-то особый меч.

– Что ты сказал? – вдруг помрачнев, спросил Иван Сирко.

– Он ищет какой-то меч, – повторил ротмистр. – Граф подарил мне старинный клинок замечательной работы, подарок короля, будто это треснувшее коромысло.

– Что ж, сейчас со мной пойдешь, опосля решу, что с тобой делать. Пошли, поможешь казаков на телегу перетащить, схоронить нужно.

– А как же мои панцирники?

– За твоими людьми пришло. Уж то, что по-вашему отпеть не выйдет, не обессудь, я вас к нам не звал, ксензов ваших у нас не жалуют. Но и волков к людскому мясу приучать не след. Так что схороним по-людски, а покуда он постережет. – Атаман лишь поднял руку, из леса тихо, будто тень, вышел матерый волчище и улегся возле ног Сирко. Тот присел на корточки, погладил зверя и не приказал, а тихо попросил: – Постереги тут покуда, чтоб родичи твои не повредили.

Зверь оскалил пасть и будто зевнул, затем как-то совсем по-собачьи лизнул руку Ивана.

– Давай, за дело, – казак выпрямился и глянул на ротмистра. – Да ты не страшись, коли жену и детей моих защитил, не пленником, гостем у меня будешь.

* * *

Расположившись лагерем неподалеку от кургана посреди Дикого Поля, пан Гжегож вспоминал события прошедшего месяца. В доме Ивана Сирко он жил почти вольно, вот только на улицу выходить не хотелось. Окрестные жители, хоть и не говорили ему ничего, но смотрели недобро. А затем к атаману невесть откуда пришел высоченный статный бородач, седой, как лунь, но по всему видать силушки немереной. О чем уж там говорили хозяин с гостем, уединившись в горнице – то одному богу ведомо.

А только на следующее утро Иван Сирко дал пленнику коня, выписал охранную грамоту и послал в замок Гуровеже, чтобы указать графу, где он будет ждать встречи. Честно сказать, барону не верилось, что фон Шрекенберг всерьез воспримет послание атамана, однако тот, молча выслушав доклад ротмистра, велел тому быть проводником. Тут хочешь, не хочешь – не поспоришь, ибо, узнав о гибели отряда, посланного за семейством грозного атамана, король, разгневавшись, велел заковать Гжегожа в кандалы и бросить в подземелье. Но этого не произошло, пан Леонард лишь покачал головой, вымолвил «нет», и повелитель Речи Посполитой тут же смирился и отдал ротмистра в полное распоряжение своего благодетеля.

И вот теперь он ждал неподалеку от кургана, держа в поводу двух коней. Идея отправиться в путь вдвоем с фон Шрекенбергом казалась ему абсурдной, он пытался убедить в этом графа, но тот лишь недобро усмехнулся, и сомнения у ротмистра отпали сами собой. На его

удивление, ни татары, ни казаки, ни московские стрельцы не встретились всадникам в пути. Они будто сторонились их. Иногда на горизонте появлялось облако пыли, и где-то вдали с холма можно было различить всадников, улепетывающих галопом, будто от целого войска.

Добравшись до указанного Иваном места, граф спешился и, опираясь на трость черного дерева, начал медленно подниматься наверх меж жутких каменных истуканов, хмуро взиравших на гостей. Там, на плоской вершине, горел небольшой костерок. Пан Гжегож разобрал фигуру атамана, сидевшего поблизости, и его неразлучного мохнатого спутника.

Пожалуй, ротмистр сейчас не смог бы сказать, кого он опасается больше. Конечно, к чему лукавить, Иван Сирко был грозен, но все же в этой угрозе было что-то понятное, человеческое. Для воина гибель в бою – исход хоть и нежелательный, но все же вполне ожидаемый. На то и война. Но этот волк... О нем рассказывали не меньше страшных историй, чем о самом Иване. Вот только если и впрямь сей зверь сопутствовал Сирко со времени его прихода на Сечь, то было очевидно, что и не зверь это вовсе, а сам дьявол! Ибо ни один волк не мог прожить столько-то лет. И все же он был жив, послушен и свиреп, когда требовалась свирепость.

Ротмистр глядел на дальний костерок, на поднимающегося вверх по склону графа и, честно говоря, сам не знал, чью сторону ему занять. Однако любопытство одержало верх и, стреножив коней, он начал тихо красться за графом, так толком не решив, что намерен делать.

* * *

Фон Шрекенберга мысли спутника не заботили. Он внимательно рассматривал освещенное мечущимися отблесками пламени лицо казака: глубоко посаженные глаза, скулы, обтянутые наголо выскобленной кожей, длинные усы, клок волос – оселедец – на макушке, губы плотно сжаты, две жесткие складки меж бровей – уж как угодно, а добрым такого человека не назовешь. Такой голову снесет, ни на миг не задумавшись.

Сирко тоже внимательно глядел на гостя. Вернее, смотрел он расслабленно, будто бы вскользь, но пан Леонард, знающий толк в воинском искусстве, прекрасно сознавал, чего стоит такая расслабленность – ни одно, пусть даже самое малое движение не могло укрыться от противника.

– Здравия тебе желать не буду, – глухо начал Сирко, держа руку на сабельной рукояти, – ибо здравия тебе не желаю. Ты свидеться хотел – вот мы свиделись.

Пожалуй, кого другого подобная резкость могла оскорбить, но только не Шрекенберга.

– А вот я рад видеть тебя, атаман. Много о тебе слышал...

– Да уж, – Сирко хищно ухмыльнулся. – Я для тех слухов немало кровушки вашей пролил.

– Было такое дело, – абсолютно спокойно подтвердил граф. – Да только мне на ту кровь плевать. Ежели из твоего казака, или из любого шляхтича кровь пустить, кто разберет, где чья? Кровь она всегда кровь, будь она хоть трижды голубая, а все едино красная.

– Ты что же, граф, сюда меня зазвал, дабы в долгих словесах упражняться?

– Вовсе нет. Дело у меня к тебе есть.

– Поди, за клинком моим охотишься?

– Это ближе к истине. Да только если с тем клинком и сам ты пойдешь, то, всяко, лучше будет.

– Это еще что за блажь?! С чего бы это мне с тобой идти?! Я вашего брата всегда резал.

– Пустое это все. Ну, резал, стало быть, на роду им так написано. А если прямо говорить, то как раз ты и есть наш брат. А вот эти все людишки – тебе и мне не чета.

– Вот еще!

– Верно тебе говорю, – перебил его пан Леонард. – Ты ведь, сказывают, с зубами родился, а это верный признак – не обычного ты роду-племени, не людского. Ступай со мной вместе,

чем хочешь, поклянусь, мы всем миром править будем. Хочешь себе всю Русь и Малороссию? Бери всю, без изъятия. Хочешь Белую Русь, Червонную, Полонию сарматскую – и они твои будут. Вся Тартария под твою пяту ляжет. Скажи, что тебе нужно, ни в чем тебе отказа не будет.

– Ни в чем – ни в чем? – Сирко поднялся с места.

– Я же сказал.

– А ты побожись! Честным крестом осени себя, тогда и поверю.

Губы пана Леонарда сложились в тонкую линию, напоминающую сабельный шрам.

– Ну, видит бог, я хотел решить дело миром. – Он развернулся спиной к атаману, показывая, что разговор окончен.

И в тот же миг будто гром прогремел среди ясного неба. Звездная пыль рассыпалась, будто просо, и на землю темной беззвучной тенью опустилось крылатое чудовище.

– Ишь ты, поди ж ты! – Сирко отскочил, выхватил из ножен саблю. И едва клинок ее распластал ночную темень, чудовище вспыхнуло, будто пороховой бочонок взорвался, на месте его обнаружился воин черноволосый, худощавый, в богатом восточном платье с черным сияющим клинком в руке. – Ба! Да это ж никак Дейали-Мурза! – присвистнул атаман. – Вот неганданная встреча!

– Отдай меч, и я сохраню тебе жизнь! – коротко, без намека на акцент, объявил грозный воитель.

– А ты возьми! Жизнь, так и быть, в придачу пойдет!

Иван бросился в атаку, привычно рубя недруга от плеча до просака. Ан, не тут-то было. Дейали-Мурза исчез и в тот же миг объявился сзади, еще мгновение – и он атаковал, но без успеха. Клинки их встретились, и обоих бойцов тут же обдало жаром – внезапная, будто удар молнии, вспышка озарила ночь. И всякий раз, когда сталь Белого Хорта встречала на пути сталь Хорта Черного, молния и гром сотрясали округу.

Позабыв о стреноженных конях, пан Гжегож подобрался совсем близко к месту схватки. Он больше десяти лет провел, не покладая оружия, но такого боя ему видеть не доводилось. Удары сыпались друг за другом с такой яростью и скоростью, что противостоять им не было никакой возможности. Пожалуй, за то время, пока атаман и мурза пытались уязвить друг друга закланной сварожьей сталью, они бы вдвоем выкосили целое войско. Да так, что никто из воинов попросту не успел бы схватиться за оружие. Но здесь и сейчас ни один из грозных воителей не уступал другому.

Вот в кратчайший миг Дейали-Мурза вновь превратился в крылатое чудовище, его длинный шипастый хвост мелькнул у самых ног Сирко. Однако шляхтич тут же увидел, как руки казака обращаются в крылья стремительного беркута, и вот он уже вонзает когти в макушку чудовища и норовит острым крючковатым клювом выбить ему глаза. И снова бой на мечах в людском обличье, снова без окончательного исхода.

Гжегож, не отрываясь, следил за поединком, когда увидел графа, хорьком скользнувшего за спину казачьего атамана. В руках его была все та же трость с тяжелым бронзовым навершием. Он размахнулся...

– Нет! – воскликнул шляхтич и, сам не ожидая от себя такой прыти, бросился между Иваном и Леонардом фон Шрекенбергом. – Один на один!

От неожиданности граф отпрянул и обрушил свою палицу прямо на голову ротмистра. Шишак несколько смягчил удар, но Гжегож Левартовский рухнул без чувств.

– Мразь! – рявкнул граф. – Ни один человек не смеет заступать мне путь! – Он вновь занес трость над поверженным шляхтичем. – Честный бой не для меня.

– Хорошо, что ты сказал это, – послышался совсем рядом утробный, точно смеялся колодец, хохот. – Человек не остановит, а вот они – могут!

Каменные воины сдвинулись с места и, ускоряя шаг, бросились к оторопевшему графу. Заметив это, его сын, «мурза», метнулся было на помощь, но Сирко заступил ему дорогу.

– Э нет, так не пойдет! Куда побег, пацюк лайдачий?!

Он рубанул наотмашь, и вновь яркая вспышка разорвала тьму.

«А ведь не одолеем мы этак друг друга, – крутилось в голове атамана. – Как есть, не одолеем. Сколько ни бейся». Он видел оскаленные зубы Дейали-Мурзы. Впрочем, прежнее обличье спадало с того, будто клочья посеченного кафтана. Теперь пред ним был он, Змей Горыныч в собственном обличье. В зверском, не человеческом. Но от этого меч, а это был уже именно меч, в его лапах не становился менее опасным. Краем глаза Иван слышал вопль и грохот каменной лавины. Это Горын Змеич пытался вырваться из каменных тисков окруживших его безмолвных воителей. Да только впустую – древние стражи кургана сходились все ближе, запирая могущественного врага.

«Ну, что ж мы? – едва не застонал Сирко. – Ломим ведь уже! Надо побеждать!» Он отбил еще один удар, рубанул сам, поймал на себе полный надежды взгляд лохматого побратима и вдруг с неумолимой ясностью понял, что следует делать.

Широкий взмах блистающего светлого клинка, он занес руку для удара, открывая противнику грудь. И в тот же миг сталь Черного Хорта вонзилась в него, прошла насквозь и вылезла из спины подле лопатки. Сирко захрипел в предсмертной муке, сцепив зубы от боли, из последних сил ухватил меч противника близ самой пяты, вталкивая его поглубже в рану. Его опешивший противник дернул было оружие на себя, но то плотно застряло в ране. В тот же миг, не давая Змею бросить рукоять, Сирко ударил бывшего мурзу по бармице, закрывающей шею. Белый Хорт прошел сквозь железные кольца, будто через шелковый плат, и последнее, что видел перед собой Иван – катящаяся вниз по склону голова Змея Горыныча.

* * *

Холодная струя ударила ему в лицо. Иван жадно ловил пересохшими губами капли воды, она была спасением, неожиданным и негладким. Сирко открыл глаза и увидал склонившегося над ним седого, как лунь, старца.

– Всеславлич?! Я что ж, не умер?

– Да как сказать. – Могутный богатырь забрал в кулак седую бороду. – Умер, конечно. Как же с такой-то раной, да не помереть? Да только вот он за тебя смерть принял. – Волх Всеславлич приподнял обессилившего казака. Рядом лежал оскалившийся мертвый волк, распластанный в последнем прыжке. Теперь, стало быть, ты его жизнью живешь. Он тебе свой долг вернул. А уж сколько там ее намерено – одному богу ведомо, его и спрашивай. Но и то сказать, дело ты сделал великое: Змея Горыныча ты жизни лишил, почитай, главного воеводу сил вражбых. А отца нашего с ним я с твоей подмогой в полон взял, так что теперь рядом с собой держать буду. Ну, и это тоже... – Волх Всеславлич поднял с земли два блистающих меча. – При мне они пока будут.

– Так ты ж сам когда-то рассказывал, что у кого эти мечи в паре будут, тот всей землей сможет завладеть.

– Сказывал, верно. О том и говорю. Пусть до поры до времени у меня эти мечи полежат, чтоб вы с ними на земле лишнего-то не наделали. А ты покуда лежи, не суетись. Слова мои и водичка рану твою хоть и заживили, а все ж крови ты потерял много, рано тебе еще жеребенком скакать. Мечи при мне побудут, – вновь повторил Волх Всеславлич, и растаял маревом, оставив Ивана лежать в густой траве.

Иван с трудом приподнялся и оторопел. Широкий Днепр катил поблизости свои вечные кипучие валы, на перекатах они в клочья разбивались о хищные клыки мокрых камней и висели нескончаемым множеством разноцветных брызг. Ни кургана с каменной стражей, ни Волха Всеславлича, сколь ни глядел Сирко, рядом не было. Лишь ковыль покачивался, колыхимый отсутствующим ветром, там, где мгновение назад стоял диковинный старик.

Вук Задунайский. «Страна крепостей»

Всем моим предкам посвящается

Наказный Гетмангъ..., возвращаясь съ войскомъ по повелѣнію Царя, во внутрь Бѣлорусіи, и проходя городъ Старый Быховъ; ружейнымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ съ одной колокольни отъ засѣваго въ ней Католическаго органиста, Томаша, убитъ до смерти, а органистъ признался добровольно, что подговоренъ къ сему злодѣйству Католическими ксендзами, кои дали ему ружейную пулю изъ священной чаши, по его словамъ: освященную и укрѣпленную нарочитыми заклинаніями; а посулено ему за то на ряду мучениковъ царство Небесное... Въ самомъ дѣлѣ, по освидѣтельствованіи нашлась тая пуля необыкновенною, и въ ней внутренность была серебряная съ Латинскими литерами! Тѣло убилаго... отвезено въ отечество его, въ городъ Корсунь, къ погребенію въ тамошней деревянной церкви, на коштъ его построенной. Но когда началось погребеніе въ присутствіи многочисленнаго народа и духовенства, то громовымъ ударомъ зажжена церковь, и тѣло убилаго, вмѣстѣ съ церковью, сгорѣло въ пепелъ.

Исторія Русовъ³

– А может, ну ее, москальку эту?

Алекс сделал гримасу, которая должна была одновременно изображать его усталость и безблагодатность этого предложения:

– Опять начинаешь, да?

– Не опять, а снова, – огрызнулся его бойфренд Никас. В последние дни он был явно не в настроении.

– Оно и видно. Ты что, думаешь, я ее вот прям очень жажду лицезреть тут, что ли?

В ответ Никас ухмыльнулся:

– Между прочим, некоторым она очень даже нравится.

– Он еще и издевается! – Алекс рад был перевести неприятный разговор на что-то более игривое. – Лично мне нравятся только прыгожи белорусски хлопцы, а не какие-то там москальские крали, будь они хоть сто раз Елены Прекрасные!

Поцелуй стал достойным завершением этой сцены. Алекс, шельмец, умел добиваться своего.

– Ну пойми же... – полушепотом обрабатывал он колеблющегося бойфренда, ероша его волосы. – Нам с тобой в Белорашке не жизнь. Батка нашего брата не жалует. Валить надо. А для этого, как ты знаешь, нужны бабки, много бабок. Твоя музыка нам в этом никак не поможет, увы и ах. Ну а к чему привела идея заняться политикой, сам помнишь...

Никас тоскливо вздохнул. Грандиозный план создать социал-демократическую партию, стоящую на страже прав притесняемых гэбней белорусских геев и лесбиянок, и развести по этому поводу на бабки западных спонсоров провалился. И далеко не по причине репрессий кровавого режима. Очень быстро выяснилось, что в стране уже существует аж четыре социал-демократических партии, причем все они в меру своей наглости грантоедствуют и прилежно стучат на конкурентов в Брюссель и Вашингтон. Соискатели общечеловеческих ценностей с некоторым количеством нулей вели с представителями Госдепа и между собой чрезвычайно конструктивные диалоги, воспетые впоследствии пресловутыми «Навінками»:

³ «Исторія Русовъ, или Малой Россіи» написана в конце XVIII либо начале XIX в. Автор неизвестен.

«– Баксы привез? Мне первому дайте! С шести утра стою!

– Как тебе первому? Мне дайте! Пидар ты!

– Он не пидор. Он социал-демократ...

– Мне! Мне первому дайте! Я – пидор!»

Столь напряженная внутривидовая конкуренция не оставляла шансов более слабым и стеснительным особям. Пришлось податься в туриндурию.

– Ну блин, для чего это я тебе тут это говорю-то! – прервал грустные мысли любимого Алекс. – У москалей этих бабок до фига, вот приедут – и разведем их по полной программе. А еще нам надо в фонде показать, что мы надежные партнеры, можем привлекать хороших клиентов. Помнишь, что Кот говорил? Если эти приедут и им понравится, то они и других за собой притащат. У Елены в Москве большие связи, она там чуть ли не депутатка. Или советник министра, точно не помню. Они нам нужны, понимаешь? Так что потерпи немного, милый. А когда мы будем сидеть на набережной в Ницце, в белых шортах, и попивать коктейль «Секс на пляже», вот тогда и посмеемся надо всеми.

Следующим вечером сладкая парочка встречала десант из Москвы на минском вокзале. Первой из московского поезда выпрыгнула та самая Елена, в ярко-кораловом брючном костюме и с алой помадой на губах. Сложно сказать, была ли она и в самом деле красива. Да это теперь и не важно. Важно было то, что она умела в совершенно любом месте и в любой компании оказываться в центре всеобщего внимания. Едва ее каблуки стукнули о перрон, как на нем в том самом месте образовался затор: кто-то из шедших мимо засматривался на нее, кто-то просто на миг задерживался, чье-то внимание привлекало яркое пятно, кому-то мешали протащить чемодан уже вставшие впереди. Через минуту перрон у третьего вагона напоминал кишачий муравейник.

– Ааа, ну вот они где! – прокричала Елена, едва завидев в толпе сладкую парочку: высокого голубоглазого красавца Никаса и мелковато-неказистого, но жутко обаятельного Алекса. Просочиться мимо нее не было никакой возможности.

Со словами «салютас, камарадас!» Елена заключила в объятия оказавшегося неподалеку Никаса, тот даже промямлил что-то вежливое в ответ. Алекс мог быть доволен проделанной накануне разъяснительной работой. Он даже ощутил легкий укол ревности – а вдруг, вдруг Никас передумает и...? Елена была козырной бабой. У нее наличествовали внешность, деньги и связи в Рашке. Именно она могла гарантировать милому другу Никасу вожделенный билет в Ниццу и «Секс на пляже». А если и выглядела порой как гламурная киса, то по повадкам напоминала скорее рубаху-парня.

– Как же я рада вас видеть! – Елена похлопала по плечу и Алекса, пока остальные московские туристы, озабоченные своим багажом, вылезали из вагона. – Никас, радость моя, ты больше на меня не дуешься, надеюсь?

Эпическая обида Никаса на Елену давно уже стала объектом мифотворчества в их интернет-околотке. Знакомство произошло при весьма интригующих и, можно даже сказать, пикантных обстоятельствах. Никас, в те поры – неоперившийся гей, бороздил просторы сети в поисках своего идеального партнера, как ему тогда казалось – тру-самца. А поскольку зверь этот – и на просторах интернета, и тем более по жизни – достаточно редкий, то искать партнера своей мечты пришлось долго. К тому же, Никас все время боялся ошибиться: в сети все как один мачо и не плачут, а по жизни... В общем, бедолага как никогда уже был близок к провалу, но тут на одном из левых форумов обнаружил диво дивное под ником Утилизатор, доведшее половину форумной публики до истерики и нервного срыва своей упоротостью, демонстративным имперством и тупым солдафонским юмором.

Никас долго следил за пациентом, навел даже справки у знакомых юзеров, и ему подтвердили, что да, он не ошибся, этот перец действительно мужик, и не просто мужик – а настоящий альфа-самец, и кто-то тут недавно это даже проверил лично, так сказать. Забрезжила надежда.

Еще месяц аморальных терзаний и Никас открылся предмету своего вождения. Тот сперва отмалчивался, но потом ни к чему не обязывавшую беседу в привате все-таки подхватил. А еще через полгода, в ответ на приглашение приехать в Минск и классно провести время вместе, ответил вдруг: «А ты вообще в курсе, кто я по паспорту?» Правда была ужасна. Наводивший на всех ужас юзер с ником Утилизатор, как и тот приснопамятный корнет, оказался женщиной, да еще какой!

Собственно, это и была Елена. Никас страшно обиделся на нее и целый месяц не разговаривал. Потом, правда, остыл, между ними завязалась переписка и уже через какое-то время они пересеклись в Москве, где Елена подарила своему неудавшемуся ухажеру дорогой парфюм и сводила его в крутой ресторан. После они благополучно общались несколько лет в сети, а теперь она даже приехала в Минск, и не одна, а притащила целую делегацию своих друзей. Все закончилось как нельзя лучше. Тем более странным было внезапное нежелание Никаса за два дня до приезда видеть свою старую знакомую, доходящее чуть ли не до истерики.

– Панове-москали, приветствую вас в стольном граде Минске! – продекламировал Алекс наконец-то выбравшимся из вагона московским гостям. – Надеюсь, этот визит вы запомните надолго!

– О да! – промурлыкали в ответ панове. – Мы даже не сомневаемся в этом.

Собственно, гостей было семеро – если не считать Елены, которая по уровню поднимаемого вокруг шума и движухи могла сойти за трех нормальных туристов. Среди гостей были замечены: незамужняя москвичка Оля, обладательница модельной фигуры и приятного лица, но увы – угрюмого нрава, неизгладимый отпечаток на котором оставила служба в следственных органах; ее многолетний неудачливый поклонник, малахольный эрудит Дима, так и не выбравшийся из ее френд-зоны; общая подруга Саша по прозвищу Блонд, откуда-то из Сибири, пресмыкающаяся на московских съемных квартирах и считающая себя потомком польских шляхтичей; простая русская девушка Маша по прозвищу Машусик – хозяйка той самой квартиры, увлекавшаяся гороскопами и гаданием на Таро, а также умевшая печь потрясающие пироги; претендент на ее руку, сердце и жилплощадь Вадик – хозяйственный молодой человек, без особых примет, из глубинки; еще одна москвичка Светлана или просто Света, сбежавшая в турпоездку по Белоруссии от мужа, трех детей, собственных родителей, родителей мужа, неопределенного количества бабушек и дедушек, двух кошек и большого коттеджа в престижном районе Подмосковья; а также духовно богатая дева без определенной гендерной идентификации, места жительства и занятий по кличке Рыся, она же Темный Лорд, больше похожая на пончик, что не мешало ей даже в лютую жару щеголять в байкерской косухе и гриндерсах. В общем, публика подобралась пестрая. По московским меркам – совершенно средняя с точки зрения платежеспособности, зато по белорусским – вполне себе состоятельные панове-туристы.

– Дорогие панове! – Алекс довольно быстро освоил повадки заправского экскурсовода. – Сейчас у нас запланирован трансфер в отель, а потом – ужин в ресторане белорусской кухни.

Последние слова потонули в одобрительных воплях панове-туристов. Им вовсе незачем было знать, что заселят их в один из самых дорогих и пафосных отелей в городе, а трансфер означает соседа дядю Васю, любезно согласившегося на своей газельке из породы маршруток катать честную кампанию, да еще и за деньги, которых хватило бы на аренду мерседеса. Но сейчас все это не имело значения. Гости из Москвы похватили наперевес свои чемоданы. Пышные кудрявые волосы Елены, предмет зависти подруг и не очень, золотились в лучах заходящего солнца – она как-то хвасталась, что волосы такие у нее от рождения и что стилисты не прикасались к ним своими грязными лапами. Все были благодны и настроены на приключения, разумеется – на свои задницы. А ищущий, как известно, да обрящет.

– Поехали! – провозгласил Алекс, сделав лицо Гагарина в космосе, и они гордо зашагали по перрону. – Вот, дорогие гости столицы Беларуси, перед вами шедевр ранне-лукашенсков-

ского стиля – железнодорожный вокзал города Минска. Обратите внимание на застекленный конкорс...

– И особенно на название обратите внимание – чигу... чигу... чыгуначны вакзал, о! – Это была конечно же Елена. – И вот что бы им не написать это по-человечески, нормальным русским языком? Как вы такое выговариваете?!

Панове-туристы смеялись от души.

– Я вам сейчас расскажу историю про нормальное и человеческое, – предложил Алекс.

– Валяй.

– Как-то еще в двухтысячных у нас тут был яичный кризис: Новый год на носу, пироги там всякие, салатик, то да се, а яиц в продаже нет. То ли куры перестали нестись, то ли кто-то попридержал в торговых сетях, то ли народ очумел и начал по десять клеток хватать. Короче, праздники скоро, а яиц нет. И тогда Батяка обратился к народу по всем каналам – мол, мы прямо сегодня решим эту проблему, и к Новому году на столах у всех белорусов будут нормальные человеческие яйца!

Это было действительно весело, нормально и человечно. Следующими объектами для лингво-имперских шуточек (Никас наверняка считал их изощренными издевательствами, а вот Алексу было пофиг, его по жизни больше интересовал финансовый аспект) стали улица Бобруйская (в Бобруйск, животное!) и проспект Незалежности. Хорошо, что до отеля всей езде было пять минут, а то Никас точно закатил бы истерику.

– А теперь мы подъезжаем к цели нашего короткого путешествия – отелю «Минск». Как вы можете видеть, это красивое светлое здание построено в стиле сталинского... эээ... сталинского...

– Вампира? – ехидно спросила Елена, и все опять засмеялись.

После размещения они должны были встретиться в ресепшене на первом этаже отеля, откуда пешим ходом группа должна была пройти квартал по тому самому проспекту Незалежности, чтобы очутиться в искомой едальне с местной кухней. Пока гарны белоруски хлопцы ожидали москвичей, Алекс как мог подбадривал своего бойфренда:

– Да ладно тебе. Смотри, у них номера на двоих по восемьдесят баксов за ночь, а у Елены – так и вовсе под сотню. В фонде будут довольны. Потерпи немного. Я понимаю, их сложно переносить...

Никас только жалобно посмотрел на него и ничего не ответил.

Ресторан располагался напротив здания КГБ и был рассчитан на жаждущих экзотики туристов. Просторный зал, оформленный в нарочито грубом квази-этническом стиле, с рушниками и прочими прибабасами. Вместо решеток на окна были вставлены березовые стволы, а в центре зала и вовсе красовалась гигантская береза, у которой к настоящему стволу были приделаны ветви с искусственными листиками. Наверняка это что-то символизировало, но доносящиеся с кухни запахи вытеснили все мысли из головы.

Москальская команда расселась за большим столом в отдельном закутке, который в московских ресторанах обозвали бы VIP-залом, вооружилась меню и начала его изучать. Елена, уже сменившая свой яркий дорожный наряд на не менее яркое платье малахитового цвета в пол, с большим вырезом и тонким золотым пояском, как всегда не могла не выпендриться.

– Слушай, Алекс, – пристала она, – ты, наверное, лучше в вашей кухне-то разбираешься. Присоветуй. А то я как открываю меню и вижу каких-то колдунов или вот эту... мачанку с дерунами, так и не знаю...

Алекс усмехнулся:

– Деруны – это что-то типа ваших блинов. А вот колдуны настоятельно рекомендую попробовать.

– А на закуску что?

– Ну вот тут есть в меню... как ее... закуска по-деревенски. Сальце местное, колбасочки там всякие, соленья...

– Ладно, берем на компанию три закуски. Потом эти ваши... ну, которые...

– Драники?

– Вот! Драники!

– Обожаю драники! – влезла в разговор потомица шляхтичей.

– Итак, к закуске порцию этих ваших колдунов, три порции драников... А еще? Ну, Алекс, помогай!

– Шкварки с картошечкой...

– Официант, шкварки!

– Бигос...

– Бигос!

– Прысмаки вот...

– И прысмаки нам, пожалуйста, один раз!

– А пить что будем? Зубровку?

– Зубровку! – дружно прокричала вся команда.

– Рекомендую еще попробовать крамбамбулю.

– Кес кесэ крамбамбуля?

– Это как зубровка, только поинтереснее, с медом там, травками всякими...

– Официант, и крамбамбулю нам!

В общем, москали вели себя правильно, по-москальски то есть. Заказывали кучу еды и бухла и не смотрели на ценник. Когда они с Никасом покажут Коту чеки с ужина, он будет доволен.

Официанты быстренько подогнали выпивку и закуску по-деревенски, застолье можно было считать открытым. Функции тамады взял на себя обаятельный Алекс, Никас же больше отмалчивался в уголке и мрачно опрокидывал в себя одну стопку зубровки за другой. Когда градус мероприятия повысился и начались массовые братания, Алекс приступил к делу. Постучав ножом о фужер с квасом, он провозгласил:

– Дорогие мои москальские друзья!

Довольный гул встретил его слова.

– Среди нас присутствует полномочный представитель фонда «Страна крепостей», и я хотел бы предоставить ему слово! Никас, прошу!

Под возгласы «ааа, Никас!» и «а мужики-то и не знали» Никас поднялся из своего угла, по его лицу было видно, что он желает сделать со своим бойфрендом.

– Дорогие наши гости, позвольте от имени фонда «Страна крепостей» поприветствовать вас в столице Беларуси, гостеприимном городе Минске! – эти слова не отличались особой оригинальностью, но для звона рюмок и одобрительных возгласов их вполне хватило. – Даже не знаю, что вам сказать...

– А ты говори правду, правду всегда говорить легко и приятно, – вставил правдоруб-Вадик свои пять копеек.

– Спасибо за совет, – ответил Никас едко. – Ну тогда предоставляю слово Алексу, пусть он расскажет вам правду о том, что вас ожидает. По-моему, он припас для вас кое-что интересное.

– Благодарю, – Алекс картинно встал и отпил квасу из фужера. – Программа у нас действительно насыщенная и очень интересная. Завтра целый день посвящен Минску. Мы проведем обзорную экскурсию по городу, побываем в Национальной библиотеке и осмотрим панораму города, увидим дворец Незалежности...

– Как я люблю эту вашу незалежность!!! – издевалась Елена. – Но странную любовью.

– Потом поедem к ратуше. Далее нас ждет центр города и, извиняюсь, площадь Незалежности с подземным торговым центром – это для тех, кто любит шопинг, Домом Правительства и Костелом Святых Симеона и Елены. Потом мы едем в Дудутки...

– Кес кесэ Дудутки? – это прорезалась уже захмелевшая Рыся.

– Дудутки – это такой город мастеров. Недалеко от Минска. Там всякие ремесла, сувениры, музеи, – на них часа три нужно как минимум. А ужинать будем там в корчме.

– В настоящей корчме? – робко спросил вечно испуганный Дима, поправляя очки. – А драники там будут?

– Будут! Еще как будут! И драники, и колдуны, и какао с чаем.

– Короче, едем! – раздался голос уже совсем нетрезвой потомницы гордых шляхтичей.

– А что потом?

– Суп с котом, наверное.

– Именно суп. Но не с котом, а, например, с клецками. Тоже, кстати, исконно белорусское блюдо.

Алексу пришлось снова постучать ножом о фужер, но гомон и не думал утихать.

– У нас как в детективе: чем дальше, тем интереснее. Вот вы знаете, откуда взялось название нашего фонда?

– Какого?

– Вы меня чем слушаете вообще?

– Местами. Разными.

– Я так и понял.

– А какой фонд-то?

– Ну «Страна крепостей» же!

– А, ну точно!

– Вот, попробуй это. На вкус – божественно. Что это, Алекс?

– Вот это? Это как раз и есть колдуны.

– А вкусно, черт!

– Ну дык!

– Так и что там со «Страной крепостей»?

– «Страной крепостей», мои маленькие москальские друзья, – влез в обсуждение мрачный Никас, – когда-то как раз и называлась Беларусь.

– Ну в этом-то как раз ничего удивительного, – несмотря на количество употребленного спиртного и расслабляющую атмосферу, Елена не потеряла хватки. – Русь когда-то вообще называлась Гардарикой, сиречь «Страной городов», а Белая Русь – это все-таки часть той, большой Руси. Была, есть и, надеюсь, будет.

Алекс схватил под столом руку Никаса и сжал ее. Только б тот не вскочил и не устроил скандал. Но Никас лишь ответил таким же пожатием – мол, все в норме, волноваться не надо. Чтобы сгладить неловкость, Алекс решил перевести стрелки.

– Что это мы все про хозяев да про хозяев, когда у нас такие замечательные гости! Депутаты, генералы и вообще – Елены Прекрасные! Которые, между прочим, на банкетах с Президентом заседают. Слово предоставляется...

Московские гости встретили эти слова буйными выкриками и хлопками, официанты даже тревожно покосились на их компанию. Сама же Елена закрыла лицо руками и начала активно протестовать:

– Ну я же сто раз говорила, что никакой я не депутат. И генералом меня с натяжкой можно назвать – я ж все-таки на гражданской службе. А на том банкете столько народа кроме меня было...

– Не приbedняйся! – сказала Оля.

– Ну ладно, сами напросились, – Елена воздвиглась над столом, как монумент самой себе. – Дорогие гости и конечно же хозяева! Ясновельможные паны, высокородные шляхтичи (Саша Blond выпятила грудь) и простое москальское быдло (быдло радостно застучало вилками о стол)! Мы с вами очень разные все (раздались возгласы «это да», «это точно»). Но на самом деле, у нас одни корни. Мы один народ, кто бы и что ни говорил...

– Ну, это спорно. Вот, например...

– Один! Один! – скандировали гости.

– Короче, за корни! – подняла стопку Елена. – Что бы там листья не шуршали. Особенно – искусственные.

Дальнейшее было предсказуемо. Все упились, как десятиклассницы на выпускном. Елена с Олей и Димой еще демонстрировали чудеса стойкости, заведя в своем углу высокоинтеллектуальную дискуссию о сравнении майданов в Москве и в Киеве.

– Ты ж на Болотную ходил? Ходил! – издевалась Елена. – А еще марксист-ленинец. Так чего в Укрию не поехал? На майдан бы там пошел, ха-ха!

– Пошел именно потому, что марксист-ленинец, – невозмутимо отвечал Дима, хотя и слегка заплетаясь вследствие злоупотребления известными напитками. – После Болотной, по крайней мере, в Москве вбрасывать почти перестали и выборы проводили относительно честно... В той мере, в которой это вообще возможно в условиях власти капитала. А на майдане...

– Дайте денег нам, не то мы устроим вам АТО, – продекларировала Оля, стряхнув пепел с сигареты и закинув ногу на ногу, обнажив в глубочайшем разрезе своей черной длинной юбки не только свое колено, но и бедро. Дима нервно сглотнул.

Остальным гостям было не до политики. Машусик с Вадиком, Светой и Рысей отплясывали под внезапно зазвучавших «Песняров», а потопицу гордых шляхтичей пришлось потом вообще извлекать из-под стола и везти в отель на такси. Погуляли на славу, короче. А ночью в их затуманенные алкогольными парами головы стали приходиться странные сны.

* * *

Ему снилась музыка. Прекрасная, божественная музыка лилась отовсюду. Звуки ее, казалось, были осязаемы. Они рождались из небесного эфира и, паря в солнечных лучах, вылетали в высокие окна, заполненные светом. Ничего прекраснее этой музыки он не слышал никогда. Он любил электронную музыку – но это не шло ни в какое сравнение с тем, что он слышал когда-либо. Это было прекрасно. И из этой музыки, как из облака, выплывал лик Панны Марии, скорбный и радостный одновременно...

* * *

Алекс проснулся рано утром от жуткого сушняка во рту. С одной стороны, вчера они неплохо посидели, особенно с учетом того, что ни одного белорусского рубля Алекс с Никасом на это не потратили. С другой стороны, этот алкогольно-кулинарный разврат... Никас бурчал вечером, что во всем опять виноваты москали. В состоянии, которое по-белорусски зовут «огульной млявостью», Алекс вылез из кровати и побрел на кухню попить водички. И едва не остолбенел: посреди кухни на табуретке, как сыч, сидел Никас, голый, в одних труселях, поджав под себя ноги, и смотрел в одну точку, на треснутую плитку на стене, – хата была съемной, с довольно-таки странными интерьерными решениями.

– Никас, братишка, ты чо? – сказал с ужасом Алекс.

Никас в ответ встрепенулся:

– Мы должны ее убить!

- Чего? Кого убить?
- Мы должны убить ее, понимаешь?
- Да кого ее-то?
- Елену.

– Да ты чо, перепил вчера?! Зачем нам ее убивать, дурья башка? У нее бабки есть, мы ими попользуемся, и нам хорошо, и Кот заценит. И кстати, мон шер, раз уж зашла речь – неплохо бы тебе немного за Еленой приударить, а то ты как ошпаренный от нее отскакиваешь. Поухаживай чуть-чуть, барыни это любят...

– Ты не понял, Алекс, – глаза Никаса стали совсем безумными. – Мы. Должны. Ее. Убить. Он так сказал. Иначе конец всему.

* * *

Ей снилось иное. Стронулись полки. Первым выступил Нежинский полк. Следом за ним – Черниговский. И за ним только двинулись сотни полка Стародубского. Звякало оружие и доспехи, развевались на ветру бунчуки да хоругви, гремели литавры. Задрожала земля под копытами лошадей, и гул сей наполнял радостью небывалой сердце воинов. Затряслась земля – и затряслись паны в крепостях неприступных, ибо недолго оставалось им неволить народ русский под ярмом своим. И не было чувства сильнее, чем осознание того, что вся эта громада следует движениям руки ее...

* * *

Вчерашняя пьянка нанесла урон и самочувствию московских гостей, но, конечно же, не такой, как Петр шведам под Полтавой. Вчера все торжественно клялись, что к восьми соберутся у ресторана на первом этаже отеля на завтрак, но было уже девять, а на ногах стояли только несгибаемые Елена и Машусик. Так и не дождавшись остальных, парочка переместилась в большой светлый зал в стиле «сталинский вампир», с лепниной и люстрами, где подавали завтрак – внушительных размеров шведский стол со всякой всячиной.

Набрав себе вкусняшек, они заняли столик в углу. Машусик только начала рассказывать о грядущем ремонте в своей московской квартире, как подошел официант:

- Омлет заказывать будете?
- А что, можно?
- Нужно.
- Ну давайте.
- Какой вам?
- А что – есть разные?
- Есть обыкновенный, можно с сыром, с помидорами, с беконом, с сосисками, по-деревенски...

- А чем он отличается от других?
- Омлет по-деревенски подается с жареным картофелем.
- О, тогда дайте две. Порции в смысле.
- Вот ведь народ! Если что-то национальное или там деревенское – так обязательно с картошечкой, – верно подметила Машусик. – Что ж они раньше-то ели, бульбаши эти, пока к ним картошку не завезли?
- Лапу они сосали, вот что делали.

Когда омлет по-деревенски был побежден и в желудках забулькал свежесваренный капучино, беседа приобрела более романтическую направленность.

– Слушай, Машусик, – сказала вдруг Елена, – ты у нас спец по всяким там гаданиям и прочим таро. Вот разъясни. Приснился мне сегодня мужик...

– О, на новом месте приснись жених невесте!

– Да не, не похож на жениха. Тем более, я замужем давно.

– Ну и что? Жених это понятие такое... трансцендентное... Может он и не жених, а так...

Он как выглядел?

– Даже не знаю, как сказать.

– Молодой? Старый?

– Да какого-то среднего возраста.

– Брюнет?

– Скорее блондин, но я не разобрала, он в шапке был. Вот что точно помню – колоритный донельзя. И такой... сложно сразу сказать...

– Ну ты уж скажи.

– Ну, в общем, как будто знакомый. Но я его впервые видела.

– Ладно, зайдем с другой стороны. Во что был одет, запомнила?

– Ну в этот... как его... типа кафтана что-то... с высоким таким воротником. А так в целом, как говорится, богато. Все расшито золотом. Плащ бордовый вот так на одном плече. Перчатки с воот такими раструбами. Сабля на поясе...

– Большая? – спросила Машусик заинтересованно.

– Ну... эта... Да ну тебя с твоим пещерным фрейдизмом!

– Это не пещерный фрейдизм, а суровая правда жизни: чем больше сабля, тем...

– Да ну тебя! – Елена рассмеялась. – Я ж сказала – не жених это был. Говорит мне, мол, «ясновельможная панна, есть у меня до Вас словечек несколько...»

– И после этого она еще что-то мне тут говорит!

– Ты слушай дальше. Я ему и отвечаю – напрасно ты, мил человек, меня так зовешь. Ясновельможная панна из меня – как из тебя балерина Большого театра. Настоящие ясновельможные паны меня за глаза быдлом называют. Так что не по адресу ты обратился.

– А он?

– А он смеется и отвечает – «мол, правильно обратился. С ясновельможной панной я и говорить не стал бы. Сыт я ими по горло». Говорил он тоже как-то странно – вроде по-русски, но с каким-то говором. Я ему: «И тебя они достали?». А он: «Хуже редьки горькой, Елена, милая...»

– Хмм...

– Господа гусары, молчать! И тут до меня дошло, что он знает мое имя. А он мне и говорит – «я тебе, Елена, только одно скажу покамест – побереги себя».

– И что?

– Так вот я у тебя и хотела спросить – и что это было?

– Ну, вроде похоже на предостережение...

– Это я и так поняла.

– А что-то еще снилось?

– Да нет вроде, ничего... – Елена задумалась, вспоминая свое ночное видение. – А, вспомнила! У него еще что-то типа шестопера было в руке, большого, с такой вот фиговиной.

– Божачки! – Машусик закрыла лицо руками. – К мужу, срочно к мужу.

Тут всеобщее внимание привлекли появившиеся в зале Оля с Димой, ведшие под руки потопицу шляхетского рода, на лице которой отпечатались не только следы вчерашних возлияний, но и все «подвиги» ее славных предков. За ними шла и несла их сумки Света в самолично связанном крючком ажурном платье, ковбойских сапогах и такой же шляпе. День начинался ударно.

Москвичи собрались на ресепшене отеля «Минск» только к половине одиннадцатого супротив договоренных девяти. Впрочем, сам Алекс тоже опоздал. Елена явилась в очередном сногшибательном туалете в тонах цвета морской волны и бирюзы, который было видно за километр. Выглядела она свежо, словно и не было вчерашней попойки. «Профессионалка! – подумал Алекс. – Вот чему их там учат в этих московских университетах. Ну и практика, конечно. Даже завидно – хоть литрами водяру вливай, а ей хоть бы что». Впрочем, Оля тоже не отставала от подруги. На экскурсию по городу она явилась в мини-юбке и ярко-лимонных босоножках с таким каблуком и такой платформой, что при виде их невольно вставал вопрос – а как там с законами гравитации, действуют еще? По части марафета Оля могла посоперничать с Еленой, на несколько дней она притащила с собой в Минск целый чемодан барахла.

Отсутствие Никаса тут же было замечено следственными органами.

– А где наш ответственный представитель фонда? – спросила Оля.

– Вот хотел было соврать, что он занят важными делами, – соврал Алекс, – но скажу честно: пить надо меньше.

– А, ну понятно. Скорейшего выздоровления ему.

Алекс, если честно, испугался. Он вспомнил, как ловил голого Никаса ни свет, ни заря по всей квартире. Как тот, захлебываясь соплями, орал «ее надо убить!» и «он сказал!». Кто этот «он», Алекс так толком и не понял – то ли какой-то сумасшедший органист, то ли ксендз, то ли пра-пра-прадедушка Никаса. Проблема была в том, что прыгож белоруски хлопец, он же бойфренд Алекса, нажрался до белочки, а с таким багажом стартовать в Ниццу было как-то не того... Алекс накормил страдающего Никаса активированным углем, сделал ему зеленый чай с медом и все-таки уложил спать. Но нервы были на нуле. Один раз, как говорится, не гондурас – а что, если он будет напиваться так регулярно? А еще у Алекса на губе вскочил прыщ, окончательно уверив его в подлости мироздания.

Обзорка по Минску прошла на удивление спокойно – то ли из-за отсутствия Никаса, то ли просто с бодуна. Дядя Вася старался вести свою газельку плавно, без рывков и резких торможений. По ходу дела Алекс пытался донести до публики программу дальнейшей поездки:

– Итак, мы проезжаем сейчас проспект Франциска Скорины. И немного о том, что будет завтра. Тур наш называется «Страна крепостей». Мы посетим наиболее известные и старинные крепости Беларуси. Маршрут выглядит следующим образом: Минск – Мир – Любча – озеро Литовка – Новогрудок – Минск. Завтра утром, в полдевятого – просьба не опаздывать! – мы выедем из отеля по направлению к Мирскому замку...

– А далеко это?

– Километров сто. Часа за два доедем. Внимание, смотрим по сторонам. Перед вами так называемые «Ворота Минска». Итак, на чем мы остановились?

– Миру-мир!

– Да-да, Мир. Это, не побоюсь этого слова, символ белорусского Средневековья. Замок возведен в начале шестнадцатого века...

– Да какое ж это Средневековье! – Елена не могла не поумничать. – Это самый что ни на есть Ренессанс!

– Ну да, я примерно это и хотел сказать. Замок сочетает в себе черты готики и Ренессанса. Он построен магнатским родом Ильиничей...

– Странная фамилия у этого магнатского рода.

– Ну уж какая есть.

– Нет, нормальная такая фамилия. Русская.

Алекс сделал вид, что не заметил подколки:

– Потом Мир перешел к князьям Радзивиллам... Так, мы приехали.

– Что это за додекаэдр?

– Это библиотека!

– Елена почти угадала – это ромбо... эээ... кубо... этот... октаэдр, во! Он состоит из восемнадцати квадратов и восьми треугольников...

– Ухты-пухты!

Библиотека и особенно вид со смотровой площадки на крыше прошли на ура. Елене, правда, хотелось съехидничать, что вид не идет ни в какое сравнение с видом с башни «Федерация» Москва-Сити, не говоря уже об Останкинской башне, но она промолчала. Против библиотеки, Минска и Франциска Скорины она не имела ничего. Гости из Москвы расчехлили свои фотоаппараты и смартфоны, и болтать стало некогда. Снимался буквально каждый угол по всему пути следования, а некоторые углы тут же выкладывались в Инстаграмм. Было в этом что-то маньяческое, но за последние два дня Алекс насмотрелся уже на разные странности, поэтому на такие пустяки не обращал уже внимания.

Дворец Незалежности супротив ожиданий особых эмоций не вызвал. На площади Незалежности Елена отметила только:

– Как-то пусто здесь. Подозрительно мало народа.

– Да-да, – присоединилась к ней Оля, – в Москве в центре всегда толпы, а тут, похоже, мы одни.

– А правда – где люди-то? – поинтересовался Вадик.

– Всех Батяка пересажал, – сострил Алекс. Странно, но он сам никогда не обращал на это внимания. Людей на площади действительно практически не было.

– Это в нашу честь что ли? – спросила Света.

– Да не, тут всегда так.

– Очень странно, – это была снова Елена. – Ну да ладно. Зато чисто и никто не скачет.

– В смысле – не скачет?

– Ну как в Укрии, на майдане.

Хорошо, что Никаса не было. Он бы точно ее убил.

Торговый центр под площадью тоже не вызвал особых восторгов. Оно и понятно, в Москве своих торговых центров навалом. Но гости все-таки затарились там конфетами и женским кружевным бельем – по качеству ничуть не уступавшему тем знаменитым трусикам, за которыми укры предлагали идти в поход ажно в ЕС. А вот костел москвичи заценили. И ратушу, хотя это был, в некотором роде, новодел. Ратуша была вся обфотографирована вместе со скульптурами и цветочками вокруг. Гости посидели на музыкальной скамеечке, послушали с десятков раз полонез Огинского и загрузились в дядивасину газельку.

Дудутки, конечно, были полные. В смысле – укатали по полной программе. Московские гости с высунутыми языками лазили по мельнице, сыроварне и птичьему двору, фотографируя там всех цыплят подряд. Наведались к кузнецу и в гончарную мастерскую. Ясновельможная пани Блонд взгромоздилась даже на какую-то лошадь, но та ее чуть не скинула. По просьбе администрации пришлось оставить бедное животное в покое. Зато на подарки и сувениры москвичи не скупились, закупали целыми сумками.

А потом перед ними воздвиглась корчма. Нет, даже не так – Корчма, где их ожидали драники, мачанка с дерунами, крамбамбуля, грибные колдуны, лапшевник и потрясающая штука под названием «бальзам на шипшинах и сосновых пупышках». После третьей дозы этих самых пупышек у участников встречи в верхах замелькало в глазах – грубо отесанные бревна стен, букеты из васильков на столах, рушники, личико подвыпившей Рысенки, початые бутылки на столах и отчего-то волчьей шкуры и какие-то куколки из соломы и ярких тряпочек на стенах.

– А что это у вас на стенах висит? – поинтересовалась любознательная Света у официантки.

– Это обереги.

– Обереги? Зачем?

– Наверное, местные ведьмы одолели, – прокомментировал эрудит-Дима. Сам он придерживался сугубо материалистических воззрений на природу бытия, а над примитивными верованиями часто подшучивал.

– Вот вы смеетесь, а у нас тут и правда бабки из соседнего села поколдовывают.

– Это, наверное, они всем туристам рассказывают, – Вадик камня на камне не оставил от всей интриги.

– Не знаю, как там насчет местных ведьм, но наша Елена вот тоже экстрасенс... – начала было Машусик.

– Ну вот, опять началось, – Елена явно не хотела быть экстрасенсом.

– Ну а что? Я ж правду сказала. Покажи им, как ты ножи притягиваешь.

– Ой, ну еще этого не хватало!

– А в чем проблема? Ну покажи!

– Покажи-покажи. А то не поверю.

– Эх! – сказала Елена. – От вас не отделаешься.

Она взяла со стола нож, вытерла его об салфетку и приложила к распрямленной ладони. Нож словно прилип к ней. Но дальше было еще интереснее – нож как будто отделился от ладони на пару миллиметров и, продолжая так висеть, начал слегка раскачиваться. Даже видевшие прежде этот сеанс летающих кинжалов открыли рты.

– Этого не может быть! – сказал Алекс, хотя не был уже ни в чем уверен. – Ты его приклеила.

– Ну возьми, посмотри, – Елена протянула ему нож.

Следов клея или какого-либо липкого вещества ни на нем, ни на руке не обнаружилось. И обереги не мешали, что интересно. Впрочем, наверное, только плохим ведьмам обереги мешают, а хорошим...

– А еще раз?

– Пжалста!

На сей раз на ладони висела, качалась и двигалась вместе с ней вилка.

– Это ты, наверное, к кольцам своим их как-то цепляешь?

– Вот, пожалуйста, сняла кольца.

– Кхм...

– А ложку сможешь?

– И ложку.

После того, как к Елениной руке был приложен весь металл, найденный на столе, стало ясно, что не ясно ничего.

– Ну это и я так могу! – сказал Вадик, прицепил вилку к своей ладони, повернул ее и... Вилка полетела на стол, перевернув и разбив какую-то рюмку.

– У меня они не только к рукам, но и к некоторым другим местам липнут, – сказала Елена слегка смущенно. – Но стриптиз устраивать не буду. Хватит уж.

– Но круто же!

– Может и круто, но совершенно бесполезно по жизни, – пожала плечами Елена.

Весь вечер только и было разговоров, что о летающих кинжалах и ведьмах. К ночи все участники попойки мало что не выли, как те самые волки, чьи шкуры висели по стенам, но персонал к такому был привычен. Гуляк препроводили в газель, которая транспортировала их до Минска.

Алекс вернулся домой поздно. Он боялся, что приедет и увидит тут снова безумного Никаса, сидящего голышом на кухне, но обошлось. Никас сидел у компа, одетый и совершенно спокойный.

– Вот теперь ты не будешь говорить, что живешь с алкашом! – торжествующе сказал он, поцеловав Алекса. – От тебя разит спиртягой, как от бомжа.

– Рад, что ты поправился.

– Я не только поправился, Алекс. Пока ты там пьянствовал черти с кем, я уже кучу дел переделал.

– Интересно, каких?

– Елена-то наша... ее ведь так просто не пришибешь. Она оборотень, вампир – понимаешь? Он сказал – убить ее можно только серебряной пулей. Ты что на меня так смотришь?!

Алексу было отчего так смотреть. Он-то грешил на белочку, а тут по всему выходило, что сожитель его совсем съехал с катушек.

– Никас, я думал, ты...

– А не надо думать. Я совершенно нормальный. Просто ты многого не знаешь. Если мы ее не убьем, то всем нам, нашим близким будет плохо. Стране тоже, да и всей Европе, если не сказать больше...

– Никас, я, может, чего-то не знаю, конечно, прости меня, но откуда ты все это взял? Про ее вредность там и про вампиризм? Обычная московская барынька, не самая влиятельная и богатая. Так, середнячок. Да, порой неприятная – но иногда и ничего так. Разве что ножи к себе притягивает – это да. Вот зря тебя сегодня не было, а то б увидел, как она лихо это проделывала.

– Во-во! И он еще возмущается, когда ему говорят, что там нечисто дело.

– Но откуда, откуда ты вообще взял, что она как-то вредит чуть ли не всему прогрессивному человечеству?!

– Алекс, мне сложно тебе это объяснить. Ты точно подумаешь, что я того, тронулся. Так что пока просто поверь мне. Просто возьми и поверь. Ты мне веришь? – Никас обнял бойфренда и нежно чмокнул.

– Ну конечно, милый, – привычно соврал Алекс. Психам нельзя противоречить – это он знал.

– Я уже с Котом договорился, он мне на днях подгонит травмат, переделанный под боевые... – Никас говорил это и смотрел странным взглядом, сквозь самого Алекса и даже сквозь стену. – А где взять серебряную пулю, которая этим москальским бесам хуже «пэтриотов», я скоро придумаю.

Таким агрессивным Алекс видел своего парня только однажды – когда мамаша того вместо того, чтобы подарить ему на день рождения конвертик с купюрами, купила Никасу в подарок сразу десять гавайских рубашек в цветочек, причем все были разные. Никас ненавидел цветочки.

* * *

Прекрасная, божественная музыка лилась отовсюду. Звуки ее, казалось, были осязаемы. Они рождались из небесного эфира и, паря в солнечных лучах, вылетали в высокие окна, заполненные светом. Ничего прекраснее этой музыки он не слышал никогда. И из нее, как из облака, выплывал лик Панны Марии, скорбный и радостный одновременно.

Он убрал руки от старинных деревянных клавиш, и чарующая душу музыка прекратилась. Солнце все так же светило в окна костела, отгоняя ночные страхи. Казалось, что пока оно вот так светит и пока из органных труб льются звуки гармонии, не бывает злу в местах этих. Но тревога не уходила, как бы ни молился он.

– Прекрасно, Томаши, прекрасно! Сегодня ты превзошел сам себя, возлюбленный сын мой! – раздался тонкий, слегка дребезжащий голос снизу.

Органисту не надо было оглядываться, чтобы узнать его.

– Отец Игнатий, доброго дня Вам!

– Доброго дня, сын мой, доброго. Однако не такой уж он и добрый.

– Вы имеете в виду бесчинства нечестивых в землях наших?

– Их, их, сын мой возлюбленный.

– Неужели все так плохо, что даже святые отцы поминают об этом в молитвах своих?

– Увы, сын мой, – взгляд отца Игнатия сегодня был особенно лучезарен, – силы зла все ближе к городу, и во главе их – настоящий диавол, исчадие ада в обличье человекем. Он рубит, кромсает и сжигает все на пути своем. А самого ни сабля, ни пуля не берут. Говорят, что он оборотень.

– Кого Вы имеете в виду, отец Игнатий?

– Ну конечно же его, северского гетмана, который привел казацкие загоны к нам с Левобережья. – Отец Игнатий поднялся на хоры. – Мало было землям нашим вреда от бандита Хмельницкого, так теперь еще и этот упырь на нашу голову. Матери уже детей в колыбелях пугают им. Он даже хуже, чем те головорезы, что послал на нас царь московский...

– Неужто кто-то может быть хуже московитов?

– Представь, возлюбленный сын мой! – отец Игнатий положил на плечо органиста свою узкую ладонь. – Ты молод и чист душой, и неведомо тебе, как может отродье дьявольское бесчинствовать при попущении Божьем. И хуже всего достается от бесовствующих слугам Господа и девственницам из семей благородных. Спроси об этом у тех, кто жил еще недавно в Мире, Стрешине и Рогачеве, в Гомеле и Свислочи, в Минске. Они многое тебе порасскажут о том, кто разорил и пожег города их. Разумеется, только те, кому удалось бежать от ужаса этого.

– Но разве в городе нашем не крепкие стены? Разве не был он ни разу взят врагами приступом?

– Оно так, сын мой. Но чернь... ты же знаешь, она только и ждет, чтобы взбунтоваться. Чернь ненавидит благородных, состоятельных и умных. Во всех городах она бежала открывать ворота что гетману этому, что воеводам царским, а потом еще и грабила богатые дома вместе с ними. Боюсь я, у нас то же случится.

– Страшные вещи говорите вы, отец Игнатий. Что же делать богобоязненному христианину посреди бедствий таких?

Отец Игнатий подошел к органисту совсем близко, взял его руки в свои, мокрые и холодные – впрочем, как и всегда – и пристально заглянул в его глаза:

– Вижу я, сын мой возлюбленный, что ты истинный христианин. И будущее нашей веры тревожит тебя. Посему скажу я тебе, что есть способ остановить гибель неминуемую. – Отец Игнатий перешел на шепот, хотя вряд ли кто мог услышать их в пустом костеле. – Вчера ко мне приехал из Кракова брат Бенедикт, иезуит и ученый человек. Нынче вечером будет он ужинать у меня в доме вместе с витебским воеводой Сапегой, который приходится троюродным братом Казимиру Льву, подканцлеру нашему, и с городским войтом. Там и решится судьба наша. Ежели хочешь, я приведу тебя в соседнюю комнату, и ты услышишь все, что будет сказано на ужине.

– Но я... Разве достоин я быть посвященным в тайны сильных мира сего?

– Защищать нашу Святую Церковь в годину суровых бедствий достоин любой католик.

– Но как могу я...

– Сын мой, ты сам еще не знаешь, на что ты способен.

– Но...

– Тсссс! Способ есть. Благородные паны Радзивилл и Гонсевский сильно ошибаются, когда гоняют быдло по лесам и полям или сшибаются с казаками. Они отдают силы борьбе с комарами, но не с болотом.

– Что же делать, отец...

– Надо разить порождение ада прямо в сердце. Убив гетмана, мы остановим пожар, пожирающий земли наши.

* * *

Утром, как это ни странно после вчерашних Дудуток, гости из Москвы встали вовремя. Ну, почти вовремя. Газелька отъехала от «Минска» в начале десятого. Правда, москали еле волочили ноги и полусонные, а кое-кто и голодные, потому что проспали завтрак, загрузились в транспорт, чтобы тут же заснуть снова. Одна Елена была традиционно при полном марафете и на каблуках, в строгом черном брючном костюме. Однако пробивающиеся сквозь него фрагменты леопардовых принтов как бы намекали, что эта киска очень даже с коготками.

Едва заняв свое место у окна, она тоже прикорнула, и скоро вид рассеивающегося над картофельными полями тумана сменился для нее совсем иными картинками.

* * *

Стронулись полки. Первым выступил Нежинский полк. Следом за ним – Черниговский. И за ним только двинулись сотни полка Стародубского. Звякало оружие и доспехи, развевались на ветру бунчуки да хоругви, гремели литавры. Задрожала земля под копытами лошадей, и гул сей наполнял радостью небывалой сердце воинов. Затряслась земля – и затряслись паны в крепостях неприступных, ибо недолго оставалось им неволить народ русский под ярмом своим.

Против полков казачьих стояли ляхи, Радзивилла и Гонсевского хоругви, со всем обозом своим, пушками и казной, что увозили они из разоренных ими же земель. Позади ляхов текла река Вилия с большим городом на ней, Вильной называемым. По левую руку казаков простиралась земля коронные Речи Посполитой, одесную – стояло войско царское с воеводой, князем Черкасским, во главе, а за спиной – десятки свободных ныне от ляхов городов и крепостей, главные из коих – Минск со Смоленском. Войска князя Якова Черкасского также стронулись, как велел им царь Тишайший, «промьшлять над Радзивиллом, сколько милосердый Бог помощи подаст». Яков Куденетович, хоть сам из Кабарды происходил родом, а и добрым мужем слыл, дело у него всегда спорилось.

Ляхи по обыкновению пытались ложью отворотить казаков и московитов от дела задуманного. Епископ тамошний Ежи Тышкевич прислал посланника своего, Якушку Колчинского, с письмом, в коем писал о большом скоплении войска польского и литовского по берегам Вилии, возраставшего с каждым днем. Но ведомо было гетману, да и пластуны доносили, что не стояло у города никаких войск иных, окромя Радзивилла и Гонсевского, о коих известно было, что только бегать они и горазды. На другой день недалече от города взят был ксендз некий, который поведал, что из Вильны мещан, жидов и ляхов, бежит много в Польшу и в разные города.

Но не угомонились ляхи. Принялись они всякие письмеца воеводам царским писать, де согласны они и город отдать, только б царское величество сохранил им все их имущество да привилегии, и тогда б они служили царю московскому как государю собственному. Вот так и воевали эти льщари, ложью да изменою. Много лет покорялись им русские люди, много несправедливостей и притеснений от них сносили, но ныне переполнилась чаша терпения. Медлить нельзя было, и ввечеру на совете с Яковом Куденетовичем так и порешили – наутро идти на Радзивилла.

Спускается к реке войско казачье. Вот-вот сиибется с жолнерами радзивилловскими. Подъезжает тут к гетману Попович, полковник Черниговский, побратим его. И были при том епископ Мефодий, брат гетманский Василий, сотник Иван Нечай, Юрась Хмельницкий, коего отправил в войско отец, дабы училось чадо уму-разуму, да прочие казаки из старшины, а также гонцы от воевод царских.

- Здравия тебе, Иван Микифорович!
- И тебе не хворать, Иван Абрагамович! Что ж ты обращаешься ко мне, будто не родной? По имени да по отчеству?
- А потому это, что слышат нас гонцы московские. И не пристало им потом докладывать, что казаки, мол, гетмана чертякой кличут.
- Рассмеялся гетман:
- Ты скажи лучше, как там ляхи-то наши поживают?
- Ляхи-то? Да точно зайцы какие, ускакать надумали. Вон вишь – обоз свой кинуть наладились, к стенам городским бегут уже.
- Что бегут – так немудрено сие. Слыхал я, что войско ихнее взбунтовалось – де не платят высокородные паны, а помирать за гонор их охочих не съищешь.
- Так и есть.
- Только нам беготня ихняя не особо-то потребна, – продолжал гетман. – За стенами они еще долго отсиживаться будут, а осаждать их у меня желания нет никакого. Ни дня у нас на то нету. Не поторопиться ль? Попинай молодцов своих. Пусть ляхов в обозе нагонят и уже разберутся с поганью этой. Не забудь заодно напомнить, что пленные нам без надобности. А вот белорусцев православной христианской веры, которые биться не учнут, в полон не брать и не разорять. Сам проверю.
- Что до пленных, – влез в разговор их Василий, брат гетманский, ныне наказной полковник Нежинский, – то за ляхов нынче на базарах турецких мелочь дают, а жиды и вовсе за понюшку табаку купить можно. Так что пленные нам без надобности особой. Их же и кормить еще надоть.
- Ну тебя, Васюта, ты все деньги считаешь, коих нет у тебя! – отвечивал ему Попович. – Грамоте бы хоть подучился, а то ж двух слов не свяжешь.
- Зато кой кого другого свяжу, уж вы не сомневайтесь, – подбоченился Васюта. – С каких это пор ты мне указывать стал, Попович? У тебя вон свой полк, ему и указуй.
- Эх, Васюта-Васюта! – покачал гетман головой. – Я токмо одного не пойму: раз ты смелый такой, то отчего здесь отираешься? Где казаки твои? Отчего не впереди них скачешь?
- Уже бегу, брате!
- Ну то-то же. А то ведь не посмотри, что брат!
- А того уже и след простыл. Умел гетман отличать дело от уз родственников.
- Попович, присмотри за ним там. Попинай, ежели надобно, да не жалея особо. И помни – ни дня у нас нет в запасе. С Богом!
- И тебе тоже с Богом, Иван Микифорович!
- Полетели гонцы во все полки, а также к князю Черкасскому, дабы поскорее брали обоз ляшский, да не давали Радзивиллу с Гонсевским уйти.
- Не слишком ли, владыка, зlobствую я? – обратился гетман к окормлявшему воинство епископу Мефодию, духовному отцу своему.
- Уж не сомневаешься ли ты в том, что делаешь, сыне?
- Отнюдь. Но набрещут же, что кого-то гетман опять загрыз да растерзал самолично – и ляхов, и униатов, и евреев.
- Не все ли равно, что скажут про тебя?
- А недавно узнал я про себя и вовсе дивное. Де привязывал я голых девиц к деревьям вверх ногами, свежесвал их, пил у них кровь и утешивался при том, причем по дюжине в день сразу. И невдомек тем сказочникам, что сие весьма затруднительно. А пуще того невдомек, почто корячиться так?
- Да будь вместо тебя Иисус, ляхи и про него наговорили бы с три короба глупостей всяких.
- Но сам-то ты, отче, что мыслишь?

– Убивай, сын мой, ежели надобно тебе это для дела какого хорошего. Но без злобы убивай.

– Без злобы! – мало не присвистнул гетман. – Мне, отче, панов этих надо, верно, по головке погладить? Радзивилл тот в Пинске сколько людей лютой смерти предал? В Турове, Чечерске и Мозыре всех казаков с семьями их вырезал, старых и малых. А особливо нам его за Бобрыйск отблагодарить следует, – за то, что всем православным руки поотрубал.

– Ожесточился ты в сердце своем, сын мой...

– Показали мне под Гомелем сосну. Ежели кто из русинов лес рубил, то ему паны разрезали живот, прибавляли кишку к стволу древесному и заставляли бежать вокруг...

Тут ухо гетманское уловило шум некий, шедший из гуци людской. Вот оно! Передовые казацкие загоны настигли наконец ляхов, завязалась схватка, громкие крики слышались, пальба да лязг оружия. И вот уже занялся над обозом Радзивилловым пожар, поднялись клубы дыма.

– Бегут, Иван Микифорович, бегут же! – кричал вестовой казак.

– Добро, что бегут. Но мне надобно, чтоб не возвращались.

Отлучился гетман, дабы перемолвиться словом с посланцем князя Черкасского, воеводой Трубецким, опосля сделал распоряжения по войску своему и снова подъехал к епископу.

– А знаешь ли, отче, что сделал я тогда под Гомелем? Наказал изловить всех панов местных да развесить их на той самой сосне. И можешь считать, отче, что никакой злобы я в тот миг не испытывал, а токмо просветление духа.

В гуце схватки тем временем усилилась пальба и грохнуло что-то сильно. Этого гетман стерпеть уже никак не мог:

– Да что же они там, заснули, что ли, мать их растак?! Ляхи порох свой рвут уже. Васюту, дурня, самолично высеку! – стегнул северский гетман камчой коня своего и помчался в самую гуцу.

– Поберег бы ты себя, Иван Микифорович! – только и успел прокричать вослед ему епископ Мефодий.

Но тот уже не слышал ничего, только пыль клубилась из-под копыт, едва успел владыка перекрестить спину его. Ринулись следом казаки из личной сотни гетманской с наказом «хранить пуце живота своего». Будет нынче кровавая жатва на берегах Вилии, припомнят русины ляхам да католикам всяким долгие годы измывательства и притеснений, вернут должок старый.

* * *

Москвичи сладко посапывали, пока газелька проносилась мимо бескрайних картофельных полей. Алекс обдумывал положение, в котором они все очутились благодаря Никасу – тот сидел впереди, рядом с шофером, и тоже, как видно, о чем-то размышлял. Небось о том, как ловчее пришить Елену. Алекс считал это родом душевной болезни. Может, Никас все-таки был в нее влюблен тогда, а она его отшила? А все эти красочные истории про Утилизатора просто для отвода глаз? А может, он и в геи пошел назло ей? Ну нет, это вряд ли, у Алекса бы тогда «радар» не сработал. Почему всё же он тронулся из-за нее? Почему хочет убить именно ее? Ведь нельзя же серьезно относиться к этому бреду про вурдалаков, органистов и врага рода человеческого?

Тут Алексу на память пришла еще одна поросшая мхом история. Энное количество лет назад Елена, то есть Утилизатор, конечно же, схлестнулась с одной из форумных старожилок, тетечкой с клиническим случаем католицизма головного мозга откуда-то из-под Днепродзержинска. Закончилось это предсказуемо: тетечка была оскорблена в лучших чувствах и громко «хлопнула дверью», обозвав своего обидчика «врагом рода человеческого». Кличка эта к Ути-

лизатору пристала надолго. Но это же полный пипец! Какая-то полоумная баба и вот то, что у Никаса в голове – разве это может быть одним и тем же? Может ли двух столь разных людей – Никас ту полоумную, кстати, тоже пополоскал изрядно тогда – поразить одно и то же безумие? И отчего все эти фантазмы именно по Еленину душу?

Алексу Елена не сказать чтобы очень нравилась. Но скорее была нейтрально симпатична. Она была молода, позитивна, успешна, красива, состоятельна и сексуальна. Алекс такое уважал. И главное – она нормально относилась к геям, что было странно на фоне ее имперских замашек. На идеологические противоречия ему было плевать с высокой колокольни, а по-человечески в ней была масса достоинств, главным из которых была щедрость. Он вдруг представил, что случилось бы, окажись Елена действительно мужиком. Это была бы такая жесьть! В ее, то есть – тогда его – постели тотчас очутились бы сперва московские подружки, потом Никас, а потом – даже Алекс.

Но, конечно, считать ее мега-упырем, покусившимся на основы мироздания... Да еще и убивать за это... И ладно бы просто убить – мало ли кому и кого хочется прибить ежедневно, начиная с тещи и заканчивая папой римским. Прибить Елену Никас вознамерился каким-то экзотическим способом, серебряной пулей, сделанной из какой-то священной чаши. Алексу пришел на ум польский писатель Потоцкий, который застрелился пулей, сделанной из серебряной сахарницы.

Но и это было еще не все. Никас долго и горячо убеждал, что надо не просто прибить ее серебряной пулей, потому что оборотня обычная не возьмет, но и сделать это непременно «в храме истинной веры», то есть в католическом костеле, типа для того, чтобы «заклученная в ней разрушительная энергия не вырвалась наружу и не пожрала все вокруг». В качестве места охоты на вампиров Никас уже наметил фарный костел в Новогрудке, один из объектов посещения их тура. Это было полное и абсолютное безумие. Что-то подсказывало Алексу, что отсюда надо поскорее делать ноги. Но это что-то постоянно убаюкивалось аргументами о том, что у Никаса это временное и ни на что серьезное он не решится с вероятностью в 99 процентов.

А ведь как все начиналось! Когда Алекс в первый раз поднял Никаса, он был на седьмом небе. Как выразился классик, от радости в зобу дыханье сперло. Еще бы – при своих скромных внешних, да и финансовых данных, подцепить такого парня! Никас был высоким, стройным и голубоглазым шатеном с мягкими каштановыми волосами и длинными густыми ресницами. Внешность у него была практически модельной. А еще наблюдались в нем какая-то спокойность, отстраненность, мечтательность. Два года, прошедшие со дня их знакомства, Алекс ходил и все время улыбался, счастью его не было предела. И кто б мог знать, что все вырулит к этому вот? Что шиза так прорастет в никасовом мозгу, что превратит его в полного неадекватата?

Гости из Москвы начали потихоньку просыпаться. Не успевшие позавтракать зашуршали пакетиками с прикупленной в Дудутках выпечкой.

– Где это мы мотыляемся? – спросил Вадик, набивший рот пирожками, конечно же, с картошкой, заботливо подсунутых ему Машусиком.

– Подъезжаем к Мирскому замку.

– Ура!

– Ну раз все уже проснулись и поели, продолжим нашу экскурсию, – Алекс снова вспомнил о своих обязанностях экскурсовода. – Беларусь в древности не зря называлась «Страной крепостей», крепости и замки здесь буквально на каждом шагу. Правда, некоторые из них в... кхм... руинированном состоянии. Скоро мы осмотрим Мирский замок, которому повезло – его неплохо отреставрировали...

– А чем таким он знаменит? – спросила Света с заднего сидения.

– Ну, построен он был магнатами Ильиничами...

– Это ты нам уже говорил.

– Говорил, да? А, ну да, точно. Потом его достраивали Радзивиллы, он был чем-то типа их летней резиденции. А потом замок был взят и сожжен казаками во главе с гетманом Золотаренко...

– Упс!

– Что опять не так? Опять фамилия неправильная?

– Как раз правильная! Это ж однофамилец нашей Елены!

– Seriously что ли? Я и не знал.

– Ну да!

Все дружно посмотрели на Елену.

– Что это вы на меня так смотрите? – спросил та с видом мальчика из церковного хора. – Ну да, однофамилец. И что теперь?

– Да ничего, просто прикольно.

– И что там этот гетман, сильно нахулиганил?

– Порядочно так. Он вообще-то считался одним из самых жестоких казачьих атаманов своего времени. От страха перед ним целые города сдавались без боя царским воеводам. Они б и черту лысому сдались, только б не гетману Золотаренко. В польских хрониках написано, что северский – его еще называли наказным – гетман не ведал жалости. Много городов пожег, а народа поубивал еще больше. У нас тут в Беларуси тогдашней вообще только треть населения осталась. А царю московскому писал в своих донесениях, мол, «все горожане под меч пущены, а города попалены». А самого его ни сабля, ни свинец не брали, современники даже считали его оборотнем.

– Ну прямо Дракула местного разлива.

– О, аццкий сотона!

– Примерно так.

– Класс! Я б познакомилась.

– Елена, признавайся – это твой родственник?

– А я вообще знаю? Наверное, просто однофамилец. А что, похож?

– Ну, я бы сказала, что-то есть по части модус операнди. Ты можешь нечто эдакое отчебучить.

– Внимание, мы прибыли в Мир!

Обычное кишение, сопровождающее любую турпоездку, на какое-то время не оставило ни одной мысли, кроме как об осмотре и фотофиксации искомого объекта. Мирский замок был прекрасен, как рассвет, тут даже москали не спорили, – эти вообще радовались, как дети. Алекс отметил про себя, что у них вообще ан масс обнаружилась слабость к кирпичным красно-белым строениям с башенками, хоть как-то напоминающим Кремль. Видимо, это вшито в программу любого имперо-москаля, и, имея такую возможность, они тут же начинают воплощать ее в реальность – пусть даже и на своих шести сотках.

Народу в Мирском замке в тот день было пруд пруди. Пока москвичи осматривали объект и традиционно фотографировались у каждого кирпичика, Алекс никак не мог серьезно поговорить с Никасом, который, казалось, решил восполнить свое вчерашнее отсутствие непрерывными рассказами о Великом княжестве Литовском, шляхте и католицизме.

После осмотра замка и легкого ланча на свежем воздухе гостям было объявлено, что они могут самостоятельно продолжить осмотр итальянского парка и окрестностей замка, а также покататься на лодках по пруду. Но к трем часам их ждут на экскурсию по замковому музею, к пяти – на театрализованном представлении из жизни шляхты (грудь Саша Блонд опять выпятилась колесом), а к семи – на ужине в ресторанчике в подвалах замка. Заночевать они должны были в местной гостинице, расположившейся прямо в одном из крыльев замка – хорошо еще, что заранее забронировали номера, а то пришлось бы в сарае спать по случаю наплыва тур-групп.

Программа внушала оптимизм, народ взбодрился и принялся с усиленным рвением осматривать достопримечательности. Пока москвичи разбредались по парку и щелкали цветочки и кустики, минская парочка присела на лавочку недалеко от стен замка, наблюдая изда- лека за своей «паствой».

– Никас, вот ты сейчас в относительно здоровом уме и твердой памяти, – начал Алекс неприятный для него разговор, – ты точно уверен, что надо ее того... прибить?

– Уверен.

– Хорошо. Я у тебя даже не спрашиваю, зачем. Но должен тебя предупредить. Ты, навер- ное, в курсе, что за это предусмотрена уголовная ответственность? В курсе? Даже за сам факт ношения оружия она предусмотрена, дурья твоя башка!

– Да тише ты!

– Прости. Но ты же...

– Я все прекрасно понимаю.

– И что – тебя это не останавливает?

– А должно?

– Ну как-то обычно...

– Тут не как-то и не обычно. Либо она сдохнет, либо... В общем, за такое и отсидеть не жалко. Главное, чтобы мой друг меня не сдал.

– Друг твой тебя не сдаст, но и помогать не будет. Ты знаешь, я не люблю уголовщину, у меня на нее аллергия.

– О кей. Договорились.

– Но откуда ты возьмешь деньги? Травмат, а особенно – переделанный под боевые, бес- платно никто тебе не даст.

– А деньги нам уже дала сама Елена. Вот ведь приколы – быть прибитой за свои же бабки!

– Ась? – Алекс посмотрел вопросительно.

– Она ведь заплатила нам за эту турпоездку, и немало...

– Ты что – взял эти деньги?! Мы же должны их Коту плюс на наши расходы? Я уже не говорю про Ниццу – нам за квартиру платить надо!

– Тише! Тише! Кот в курсе и одобрил. А квартира... мне жилье предоставит государство, а ты и сам себе прекрасно заработаешь.

Прострация, в которую впал Алекс, своими размерами была сравнима с Марианской впа- диной.

Экскурсия по музею была интересной. Все-таки профессиональный экскурсовод есть профессиональный экскурсовод. Без объяснений, что это стоят за креслица такие и кто это там на картиночках, было бы не понятно ничего. У одного из экспонатов Елена задержалась и принялась усиленно фотографировать его.

– Что там? – спросила у нее подошедшая Оля.

– Смотри, какая чаша красивая. Давай спросим, для чего она?

Все собрались вокруг витрины. Чаша была старинной, из серебра, со следами позолоты. На вид тяжелая, с массивной ножкой. На чаше имелось некоторое количество святых и какие- то надписи на латыни. По словам экскурсоводши, это была литургическая чаша, предназна- ченная для крови Христовой, ее использовали в старину на таинстве Евхаристии в католической службе. Чашу хотелось взять в руки и подержать, но, к сожалению, трогать экспонаты было нельзя. Болтовня ненадолго стихла. Алекс с ужасом подумал, что вот она, эта чаша, которая так нужна его другу черт знает для чего.

Пока москали во все глаза смотрели на представление из жизни польской шляхты, а неко- торые даже и поучаствовали в нем – ясновельможная пани Блонд напялила на себя жупан и рогатывку и пошла махать бутафорской саблей, чуть не оставив Вадика без глаза – Алекс схва- тил Никаса за руку и сжал ее. Тот усмехнулся. Понял, значит.

– Чаша?

– Да, это она. Я получу ее. И не надо меня отговаривать.

– Ты ее украдешь?

– Можно и так назвать. Но вообще-то – позаимствую для благого дела. Причем сегодня же. В замке толпы народа, нас вряд ли заподозрят. А в музее нет сигнализации.

– Ты все обдумал?

– Да. Мне нужна чаша, и она у меня будет.

– А потом что?

– Я хорошо знаю этих реконструкторов, они постоянно на фонд работают. В Любче у них база, там есть склад и кузня. Кузнеца местного я тоже давно знаю, даже возил его работы на реализацию в Минск. Он перекует что угодно, хоть мечи на орала, и язык распускать не станет. Берет, кстати, недорого.

Реконструкторы расстарались по полной программе. Перевозбужденные туристы чуть не затискали костюмированных шляхтичей и их дам, а заодно горожан, сельянок и ксендзов. Под конец был устроен небольшой фейерверк и народные гуляния. Расхотелись уже вечером: кто-то к своим автобусам, а кто-то – в симпатичный подвальчик, где празднество продолжилось. Обслуживали гостей официанты в костюмах монахов и монашек.

На сей раз гости возжелали средневекового колориту, поэтому остановили свой выбор на рульке с тушеной капустой, холодной оленине и всяческих колбасках и копченостях. Пили сперва пиво из больших керамических кружек, но потом все равно докатились до неизбежной в этих краях зубровки. В общем, гулянка удалась на славу. Никто никого не прибил. Никто ни с кем не подрался. Ну разве что захмелевшая Рыся, которая сперва стреляла сигаретки по всему залу, а потом, решив поиграть в буча, полезла целоваться к девушкам за соседним столиком, и даже не сильно огребла за это. Потомуци же шляхтичей традиционно уносили вверх по лестнице в ее номер на руках.

По случаю наплыва туристов их группу в отеле уплотнили, заселив местами по трое в одну комнату, с приставлением раскладушек. Пострадала в основном мужская часть группы. В комнате Алекса с Никасом «прописался» Вадик – пиво с зубровкой свалили его наповал и заставили уснуть богатырским сном, сопровождавшимся богатырским же храпом. Алекс дал себе слово не засыпать, дожидаться своего друга, клевал носом и слушал храп, но потом все-таки глаза закрылись и он погрузился в недолгий сон.

Проснулся он аккурат перед рассветом, в самые тихие часы, от того, что услышал – Никас пришел. Алекс встал с кровати, и они вместе юркнули в санузел.

– Ну, смотри, что у меня есть! – Никас раскрыл сверток из своей старой футболки, и в ярком свете надзеркальной лампы заблестала та самая чаша для крови Христовой из музея. На фоне современного кафеля и сантехники она смотрелась гостьей из другого мира.

– Ахха, красота-то какая! – простонал Алекс. Он умел ценить красивые и дорогие вещи. – И не жалко тебе ее будет того...?

– Для такого дела и мать родную не пожалеешь, не то что чашу какую-то. А потом – мы можем же только ножку отодрать. Сколько там грамм на пулю ту нужно? Девять?

– Тссс!

Заворочался Вадик. Он вдруг перестал храпеть и перевернулся на другой бок. Казалось, что он вот-вот проснется. Заговорщики замерли. Но нет – Вадик почесал свой зад и снова захрапел.

– Слушай, Никас, после вчерашнего все хотел спросить – а не кажется ли тебе, что у нас тут стало слишком много оборотней и вурдалаков на один квадратный метр?

– Ты о...

– Именно. Понимаешь, у нас и Елена, как ты говоришь – оборотень без погон. И этот, однофамилец ее, который лет триста с гаком назад тут орудовал – тоже вурдалак и оборотень. Не слишком ли много совпадений?

– Мне тоже показалось странным. Но... – Никас развел руками, – ничего конкретно сказать не могу. Не знаю. Зато чаша теперь у меня. Я тихонько взломал дверь, зашел и просто взял. Хватятся ее только к полудню, когда начинаются экскурсии, да и то не факт. И на нас не подумают – народу тут вона сколько. Мы же утром уже тю-тю.

Алекс не разделял его оптимизма:

– В любом случае, имей в виду – я эту чашу не видел, ничего о ней не знаю. И вообще... послать бы тебя на фиг!

* * *

Ужин у отца Игнатия был прекрасен, особенно по нынешним беспокойным временам. Пулярки, запеченные в польском соусе, жареный карп, свежие фрукты, салат, сладкие пирожки и даже неплохое вино. Сотрапезники не переставали воздавать должное вкусу и заботам отца Игнатия. Ножи стучали о тарелки, кубки наполнялись вином. Только не вино и не изысканные блюда занимали умы ужинавших в тот вечер.

– Хотел бы выпить за скорейшее избавление наших благословенных краев от исчадия ада, я имею в виду этого разбойного атамана! – поднял свой кубок Павел Сапега.

Воевода витебский был высок, худ, лыс и обладал длинными усами, едва не падающими в его тарелку, когда он наклонялся над ней. Как и положено знатному вельможе, одет он был в богатое темное платье, подбитое соболем.

Стук кубков огласил залу. Томашу было слышно каждое слово, каждый звук – уж очень хитро устроены стены в домах ксендзов. И не токмо слышно, но и видно кое-что.

– А что многоуважаемый пан Сапега думает о перемещении доблестных воинств наших? – спросил ласковым, вкрадчивым голосом иезуит, отец Бенедикт, щуплый невзрачный священник в рясе. – Правду ли говорят, что враги наши зело преуспели в черном деле своем?

– Это мы еще поглядим, кто преуспел, – отвечивал ему Сапега.

– Но полки царские Урусова и Барятинского вышли уже из Ковно к Бресту...

– ...где их встретят храбрые шляхтичи Радзивилла.

– А если...

– Тогда и мы в стороне не останемся.

– Тогда, полагаю, за Брест можно не беспокоиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.